СЕМЬ ДНЕЙ В ЯНВАРЕ

МНЕНИЕ ОБОЗРЕВАТЕЛЯ

РЕАЛЬНОСТИ, А НЕ ХИМЕРЫ

Мнв ие раз приходилось слышать и даже читать, что американские советологи чуть ли не заранее просчитали и даже исследовали «тупиковую» ситуацию в Советском Союзе в конце 70-х годов.

Вроде бы о многом, о чем товорили или писали они, мы в той или иной форме товорим сегодня. И да, и нет! Но вот главного, решающего американские советолоти просчитать не смогли. Я имею в виду способность ныиешнего руководства КПСС и Советского Союза разобраться в создавшейся в партии и стране обстановке, снова направить их развитие по восходящей. Таких реалистических прогнозов у американских советологов не было. Там, утверждали они, зкономика деградировала настолько, что США, Западу не о чем беспокоиться. Состязание с капитализмом как системой хозяйства русскими безнадежно проиграно! Им вторили японские советолоти. «Советский Союз отстал от Японии навсетда!» — заметил один из них. В социальной сфере дела у нас, считали американские советологи, тоже плохи. Катастрофически! Еще немного, и все, чем Советский Союз когда-то гордился перед Западом, рассыплется в прах. Мир станет свидетелем крушения мирового социализма. Поэтому, как считали американские советологи, США могут и должны обращаться с Советским Союзом как с третьестепенной страной, требовать от него такого поведения на мировой арене, которое устроило бы Запвд. Вот, собственно, откуда взяла начало тлобальная политика «новых консерваторов», чьи люди заняли Белый дом в 1981 году.

Убежден, что поэтому ни Женвва, ни Рейкьявик, две советско-американские встречи в верхах кряду, ие дали позитивных результатов. Несмотря на готовность Москвы к далеко идущим соглашениям. В Вашингтоне все-таки поставили на жесткий курс в отношении Советского Союза.

Напомню, что в речах Рональда Рейгана не случайно с самого начала пребывания у власти замелькали стереотипы вроде «империи зла» или «неизбежности гибели социализма как системы». Собствеино, они, эти стереотипы, отражали настрой американского правящего истеблишмента. Ему казалось, что США вовсе и не надо предпринимать какие-то сверх усилия для нашего сокрушения. Время вот главный союзник Вашингтона. Советский Союз, размываемый неразрешимым проблемами изнутри и неспособностью преодолеть застой, должен был вот-вот начать превращаться в руины.

И вдруг январский Пленум ЦК КПСС, смело продолживший стратегическую линию, выработанную на XXVII съезде КПСС, о которой в полный голос заговорили после апрельского Пленума ЦК КПСС. Да как продолжил! Формально он обсуждал один вопрос — «О перестройке и кадровой политике партии». Практически же в докладе М. С. Горбачева, по ходу его обсуждения, участники Пленума ответили на вопрос: «Быть или не быть перестройке?» Да, быть, и она даст мощный толчок к высокоразвитому в экономическом отношении Советскому Союзу.

Представляю, с какой колоссальиой степенью изумления и даже обалдения американские советолоти восприняли итоги прошедшего Пленума ЦК КПСС в Москве. Они ие могли даже вообразить его открытость, остроту и конкретность всех без исключения проблем, на нем поставленных. Кстати говоря, о некоторых из них господа советологи впервые в полной мере узнали из материалов Пленума.

Партия пришла к выводу, что продолжение «антиразвития» смерти подобно, что только откровенное обозначение негативных процессов, как внутри страны, так и в КПСС, поможет созданию условий для преодоления крайне пагубных явлеиий и перестройки. Всей нашей работы, всего советского общвства, обеспечивающих ускоренное и прогрессивное развитие партии и государства. У меня, как и у всех моих соотечественников, крепнет уверенность в том, что порядок дома мы наведем. Да, предстоящая гигантская работа потребует напряжения всех наших сил. Но то, что порядок будет, — в этом сомнений нет! Значит, и наша внешняя политика, база которой — социализм, а не утопические мечты, будет активной. И самое, пожалуй, главное, соответствующей той обстановке, которая сложилась в мире.

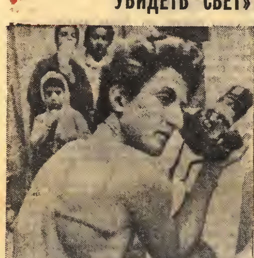
Что же Рональд Рейган? И его советологи? Обратившись к американцам с посланием о «Положении страны» как раз в те дни, когда работал январский Пленум ЦК КПСС, президент США сиова прибег к антисоветизму и антикоммуиизму, продолжал движение не в ту сторону, от реальностей к химерам, подсунутым ему советологами. Советский Союз перестраивается, что создает принципиально новую ситуацию в мире. Вашингтон получил столь мощный сигиал о начавшихся у нас важиых переменах, что реагировать на них придется. В противном случае можно лишь усугубить уже существующие трудности. Да, трудности для политики США. Тем же, кто определяет, формулирует и осуществляет большую политику в Вашинттоне, я хотел бы высказать всего одно соображение, дать пищу для размышлений. Сегодия, после большого события в Москве:

— Господа, пора руководствоваться реальностями! Прочь несостоятельные прогнозы. Давайте действовать на равных, прежде всего в главном—предотвращении вселенской катастрофы, против которой на словах даже президент США.

Игорь БЕЛЯЕВ

ФОТОФАКТ

«СНИМКИ, КОТОРЫЕ НЕ ДОЛЖНЫ БЫЛИ УВИДЕТЬ СВЕТ»

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРЕССА

ИЗ АВСТРИИ В ВЕНГРИЮ И ОБРАТНО...

В предвоскресные дни и канун праздников с территории Австрии в Венгрию направляются колонны легковых автомашин и автобусов. Цель этого «нашествия», как пишет западногерманская газета «Зюддойче цайтунг», не ознакомленне со страной и ее культурными ценностями, а... посещенне магазннов для закупки продуктов и промышленных товаров, которые здесь намного дешевле.

Небольшне города и районные центры западной части Венгрии забиты в эти дни машинами с австрийскими номерными знаками, а магазины заполнены толпами лихорадочно все расхватывающих австрийских приезжих. Местное население по пятницам и субботам не отваживается посещать магазины и учреждения бытового обслуживания. Дело дошло до того, что некоторые рабочие и служащие близлежащих к границе населенных пунктов просят предоставить им для покупок свободный день в середине недели.

В ВНР не существует проблемы с обеспечением продуктами питания, и все же в дни австрийских «набегов»

ПО

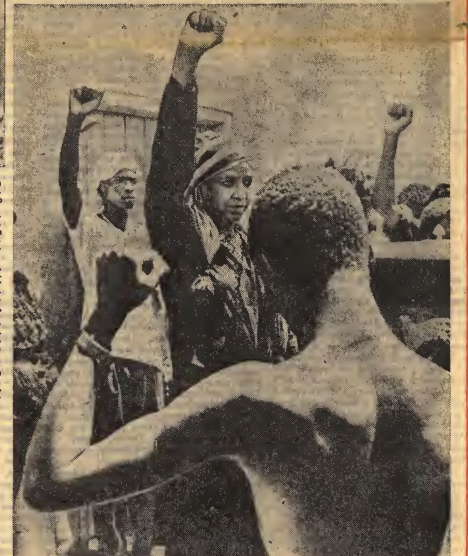
Через десят
деятелей куль
ства».

О том, как зар
ния такого форум
ходить, рассказы
дакции «ЛГ»
СП СССР Генрих

— Генрих Авер
циатором созыва
какой он будет н

— Основная ид
его девизе — «З
выживание челове
имеино так: либо
добившись глобал
ное и иное оруж
ния, либо погибне
раздирающих его
словами, оправда
ческое название
sapiens», «Челове
его восторжествуе
уздать стихию яде
Творцы литерату
мому характеру с
званы выступать
Прогрессивные ма
времена сознавали
перед обществом.
они созиают ее
когда стрелка на
истории приблизил
торой времени не
Если прибегнуть
логии, то можно с
сейчас в тяжком
флажок на часах
упадет. В этих у
да, необходимо с
ный ход. От этог
не отдельиых люд
или континентов.
И это не преувел
сохранении общече
самой жизни на з
тели культуры, ру
ципами гуманизма,
в стороне от остр
менности: быть ил
му?
Весь земной ша

Под такой подписью опубликовал эти фотографии журнал «Штерн». Снимки сопровождало письмо южноафриканского журналиста Моно Бадела:

«Я — чернокожий журналист. За четыре года с момента выхода в Йоханнесбурге первого номера моей газеты «Сити пресс» она стала самым популярным периодическим изданием в ЮАР, выступающим против политики апартеида.

Теперь мы лишены этой возможности. Белое правительство приняло закон о «тотальной» цензуре над прессой, и сразу же начались жестокие репрессии. Полиция забрала в тюрьму главного редактора католической газеты «Нью нейши», многих других журналистов, профсоюзных деятелей и активистов движения сопротивления. Цензура запрещает мне теперь даже назвать их имена, сообщать об акциях оппозиционного движения в нашей стране.

Но, несмотря на безвыходную ситуацию, в которой мы отныне оказались, я не намерен смириться. Мне, конечно, чрезвычайно трудно будет передавать информацию. Но правительство апартеида не сможет запретить мне держать глаза открытыми и наблюдать».

На снимках, сделанных еще до принятия закона о цензуре:

Автор снимков южноафриканский фотограф Гидеон Мендел демонстрирует шрамы — следы полицейских избиений (вверху слева).

Расправа полиции над участником мирной демонстрации протеста в Йоханнесбурге (вверху справа).

Винни Мандела, жена лидера освободительного движения ЮАР Нельсона Манделы, приветствует единомышленников (внизу).

Небольшие города и районные центры западной части Венгрии забиты в эти дни машинами с австрийскими номерными знаками, а магазины заполнены толпами лихорадочно все расхватывающих австрийских приезжих. Местное население по пятницам и субботам не отваживается посещать магазины и учреждения бытового обслуживания. Дело дошло до того, что некоторые рабочие и служащие близлежащих к границе населенных пунктов просят предоставить им для покупок свободный день в середине недели.

В ВНР не существует проблемы с обеспечением продуктами питания, и все же в дни австрийских «набегов» полки магазинов обычно к вечеру пустеют. Венгерские экономисты не против подобной тяги покупателей из-за рубежа, приносящих доходы в валюте. Зато австрийские торговые круги не на шутку встревожены.

Но им приходится мириться с создавшимся положением. Рост цен при низкой заработной плате и безработице в стране тяжело сказался на положении австрийских трудящихся. И именно для них возможность приобрести продукты первой необходимости по цене вдвое-втрое меньшей, чем у себя на родине, становится подспорьем в скудном семейном бюджете.

...логии, то можно сказать, что человечество сейчас в тяжком цейтноте, красный флажок на часах уже поднят и вот-вот упадет. В этих условиях мешкать некогда, необходимо сделать единственно верный ход. От этого хода зависит судьба не отдельных людей, наций, государств или континентов, а всего земного шара. И это не преувеличение. Речь идет о сохранении общечеловеческих ценностей и самой жизни на земле. Вот почему деятели культуры, руководствующиеся принципами гуманизма, не могут сейчас стоять в стороне от острейшего вопроса современности: быть или не быть роду людскому?

Весь земной шар служит той «шахматной доской», на которой темные и светлые силы разыгрывают решающую партию. И пешек в этой партии нет — все должны быть фигурами значащими и думающими. Ибо только во всеобщей солидарности, взаимопонимании — путь ко всеобщему спасению.

Сейчас особенно важно оздоровить международную и нравственную атмосферу на земле, и кто, как не творческая интеллигенция, в силах сделать это?

Поэтому группа советских деятелей культуры, куда входят Ч. Айтматов, А. Вознесенский, С. Залыгин, В. Карпов, Э. Климов, Т. Салахов, М. Ульянов, Т. Хренников, Р. Щедрин и другие, взя...

— идею всеобщего выживания. Полагаю, что в реализации этой идеи жизненно (в прямом смысле слова) заинтересованы не только коммунисты, а все люди на земле.

Мы вовсе не хотим навязывать кому бы то ни было свою точку зрения. Напротив, мы готовы к самой широкой дискуссии по любым самым острым вопросам. Давайте спорить о будущем культуры, человечества, планеты — пусть только в результате возрастет уверенность, что это будущее будет.

Московский форум задуман не как манифестация, а как живой откровенный разговор на животрепещущую тему. Мы хотим обменяться мнениями и посоветоваться с зарубежными коллегами по поводу реалистических путей выхода из той тупиковой ситуации, куда загоняют человечество силы реакции, и роли искусства в поисках этих путей.

Три общие темы намечены для наших бесед. Это «Новое мышление — путь к спасению планеты и решению глобальных проблем», «Роль культуры в защите цивилизации и общечеловеческих ценностей», «Творчество и сохранение среды обитания». Но в секциях, образованных по этим темам, могут быть затронуты и любые другие волнующие вопросы.

Имеется договоренность, что участники форума встретятся с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым.

МРАЧНО НАД АЗИЕЙ...

Газета «Уолл-стрит джорнэл» поместила статью о политических проблемах Азии, с которыми этот регион столкнется в 1987 году. Публикуем одну из главок этой статьи, названную «Советы».

Москва создает прямую угрозу для Азии. Есть признаки того, что нынешний год принесет новые предложения в рамках кремлевской инициативы в Азии, с которой М. С. Горбачев выступил пять месяцев назад во Владивостоке. Афганистан вступает в восьмой год советской оккупации. Пакистан продолжает страдать от вторжения поддерживаемой Советами афганской армии. М. С. Горбачев недавно посещал Индию, где он и премьер-министр Раджив Ганди подтвердили дружбу своих стран. Вскоре, возможно, посетит Японию. Советы содержат огромные базы во Вьетнаме, наращивание советского военно-морского флота на Тихом океане продолжается. Советские рыболовные суда все чаще бороздят воды вокруг тихоокеанских островов. Кремлю было только приятно, когда Новая Зеландия приняла решение о «безъядерной зоне» и, по сути, выпала из союза АНЗЮС, в котором она состояла вместе с Австралией и Америкой.

Оккупация Вьетнамом Камбоджи до сих пор препятствует налаживанию отношений Советского Союза с Китаем, однако непрекращающиеся визиты советских представителей и представителей стран восточного блока в Пекин, которые начались прошлой осенью, почти наверняка будут продолжаться. Даже существует некоторая возможность того, что Дэн Сяопин в конечном итоге отправится в Москву.

Клодия РОЗЕТТ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДУЭЛИ

...ЭТО КАК СМОТРЕТЬ

Я не знаком с миссис Клодией Розетт и никогда ее не видел. Это обстоятельство облегчает мою задачу, поскольку надобно отвечать даме на совсем нелицеприятные по отношению к моей стране высказывания. Собственно, это не просто высказывания, это прогноз, основанный на представлениях, характерных для многих американских советологов, особенно тех, кто связан с Уолл-стритом.

Замечено, что на одно и то же можно смотреть по-разному не только из разных частей света, но и из одного кабинета. Поэтому не следует удивляться тому обычному обстоятельству, что наш заокеанский коллега оценивает хорошо знакомые предметы на свой лад. Удивляет только столь разительное несовпадение, как будто разделяющий нас Великий Тихий влияет и на восприятие цвета: то, что у нас видишь бесспорно белым, там — черное или нечто близкое к нему. Иначе никак не объяснишь, что во владивостокском призыве к сотрудничеству и безопасности в Азии умудрились обнаружить «наиболее прямую угрозу» той же Азии, как, впрочем, и в дружеской встрече лидеров СССР и Индии в Дели, и в советских рыболовных судах, что «бороздят воды вокруг тихоокеанских островов», и, наконец, в том, что нам (не скрою!) действительно было «приятно, когда Новая Зеландия приняла решение о «безъядерной зоне».

Всеми этими и многими другими вещами потчует «Уолл-стрит джорнэл» своих читателей. И это удивляет: почему потребителей такого не бедного, мягко говоря, издания нельзя снабжать более разнообразно? А ведь могли бы, прогнозируя будущее того же Афганистана, вспомнить о выводе шести полков Советской Армии и объявленный недавно афганским руководством призыв к национальному примирению, которое, если оно состоится, может ускорить вывод всего ограниченного контингента советских войск. Кстати, у страха действительно глаза велики: наш автор углядел некие базы СССР во Вьетнаме, а вот «непотопляемый авианосец» США в лице всей Японии, не говоря уж о вместилищах для американских ВВС и ВМС на Филиппинах, в Южной Корее и других многочисленных местах этого континента не заметил.

Или другой, еще более разительный пример такого дальтонизма. Когда в западных публикациях хотят обвинить социализм в недемократизме, тоталитаризме, на свет извлекают факты геноцида Пол Пота, прикрывшегося ура-революционными лозунгами. Но когда Вьетнам пришел на помощь исстрадавшемуся кампучийскому народу, который жаждал освободиться от кровавой диктатуры, это тут же обзывают «оккупацией» и другими бранными словами.

Наконец в последних строках своего прогноза «Уолл-стрит джорнэл» с горечью предрекает возможное оживление советско-китайских отношений. А почему же это плохо? От такого оживления в делах двух соседей выиграют не только они сами, но и весь азиатский регион. Вопреки той мрачной перспективе, какую нарисовала для его безопасности обозреватель.

Согласитесь, что подобные прогнозы, облаченные в словесные антисоветские штампы, никак не способствуют созданию «образа партнера» или по крайней мере «образа современника». Скорее наоборот — миссис Клодию Розетт можно смело причислить к соавторам телефильма «Америка», где «советская оккупация» не просто прогнозируется, но уже, как говорится, имеет место быть. Правда, в сознании тех, кто хотел бы видеть в Советском Союзе лишь «образ врага».

М. МАКСИМОВ

РЕПОРТАЖ «ЛГ»

РУССКИЙ ГОЛОС из Нью-Йорка

В нью-йоркском аэропорту имени Кеннеди теперь все чаще по воскресеньям в ожидании очередного рейса Аэрофлота возбужденно переговариваются необычные пассажиры. Местная газета «Нью-Йорк пост» уже прозвала их «ретерникс», то есть «возвращенцы». Многим из них помогло вернуться Общество «Родина».

На днях здесь мне довелось наблюдать, как несколько бывших советских граждан приветствовали прилетевшую из Москвы делегацию Общества «Родина». Эта организация советской общественности осуществляет культурные связи с зарубежными соотечественниками и не отталкивает даже тех, кто отвернулся ранее от своего народа, но теперь осознал ошибку. Расплата за нее для многих мучительна. Я видел здесь в аэропорту, как во время встречи делегации Общества «Родина» стоял сиротливо в стороне и плакал мужчина: он не успел к отлету нашего самолета получить обещанную визу. Был он некогда у нас весьма известным мимом.

Не менее известная ленинградская балерина, променявшая дом на чужбину, сейчас исповедуется взволнованно здешним газетчикам:

— Я хочу поехать в Ленинград. Там прошло мое детство, часть моей жизни. Там у моего брата родились дети. Там у меня мать. Я не видела ее 17 лет. Можете представить, что это такое?

Истосковавшись по Родине, люди обращаются ныне и в нью-йоркский корпункт «Литгазеты». Звонят по телефону, приходят, сетуют на свою неприкаянность, просят помочь. И разные были причины их разрыва с родным домом. Однако первоначально побудило к тому одно и то же — заманчивая ложь радиоголосов, и особенно «Голоса Америки».

Этот шумный радиохор порой совсем заглушает немногие здесь правдивые голоса. Один из них — газета «Русский голос». На протяжении долгих лет «Русский голос» был и остается почти единственным в США честным источником информации о Советском Союзе для русскоязычной аудитории. Нередко «Русский голос» перепечатывает наиболее интересные публикации «Литгазеты». В только что вышедшем юбилейном номере напечатаны многочисленные поздравления в связи с 70-летием, в том числе от Общества «Родина», Союза журналистов СССР, «Литературной газеты». Прибывшую в Нью-Йорк для празднования юбилея делегацию «Родины» возглавил первый заместитель главного редактора «Литгазеты» Юрий Изюмов.

В невысоком старом доме, где находится скромное помещение «Русского голоса», его редактор Павел Иванович Ветров рассказывает о своей газете:

— Создал ее 1 февраля 1917 года оказавшийся в США сибиряк Иван Окунцов, российский патриот прогрессивных убеждений. Вскоре после Октябрьской революции «Русский голос» одобрил Советскую власть и все 70 лет продолжает эту линию. Вокруг него группируются демократически настроенные люди русского происхождения нескольких поколений. Костяк наших активистов и финансовых опекунов — седые ветераны, люди, пронесшие любовь к Родине через десятилетия суровых испытаний. Недавно часть наших активистов молодого возраста и средних лет получила разрешение вернуться в СССР. Приходят новые люди, но и они тоже рвутся как можно скорее возвратиться на родную землю. Связь с «Русским голосом» они не потеряют — вот уже несколько месяцев наша газета поступает в продажу в киоски «Союзпечати» в Москве и других городах.

Иона АНДРОНОВ,
соб. корр. «ЛГ»

НЬЮ-ЙОРК

РЕШЕНИЯ XXVII СЪЕЗДА КПСС – В ЖИЗНЬ!

4 ФЕВРАЛЯ 1987 г. № 6 (5124)

Конечная цель перестройки — обновление всех сторон жизни нашего общества, придание социализму самых современных форм общественной организации, наиболее полное раскрытие творческого потенциала социалистического строя.

Из постановления Пленума ЦК КПСС «О перестройке и кадровой политике партии»

Игорь АЧИЛЬДИЕВ

ФАКТОР ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛИ КАДРОВ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Музейно-заводской феномен

В старинном украинском городе Никополе есть краностроительный завод. Еще десять лет назад о нем отзывались пренебрежительно: производство отсталое, продукция не блещет новизной. Преображение началось, когда директором назначили Анатолия Федоровича Гонтаренко, работавшего до того секретарем парткома Днепропетровского комбайнового завода имени Ворошилова, где родился известный теперь на всю страну метод аттестации и рационализации рабочих мест. Так вот, Гонтаренко, главный инженер завода Борис Федорович Жердев, главный технолог Леонид Александрович Бузин, еще несколько человек образовали «мозговой штаб» и за несколько лет сумели вывести завод из прорыва.

Далось это неимоверно тяжким трудом, вспоминает Гонтаренко. Сколько мучились с реконструкцией! А чего стоило введение подряда в организацию бригад? А сколько бессонных ночей ушло на разработку и внедрение той же аттестации рабочих мест! Даже и вспомнить страшно...

— Главное: тяжело было воодушевить людей, — говорит Гонтаренко. — То есть вроде все понимали, и народ неплохой... А отношение к производству было какое-то отчужденное, отстраненное. Не знаю, как это назвать. Словно дело касалось не нашего с ними общего завода, а только моего. Они числились в списках, получали заработную плату, производили какую-то продукцию — а завод чужой, «дядин». На дядю кто будет работать в полную силу?

С большим трудом Гонтаренко удалось переломить настроение коллектива. Перелом наступил, когда директор взялся за создание соцкультбыта. Привели в порядок и перестроили заводской профилакторий, отделали зону отдыха на берегу Каховского моря, приступили к возведению клуба и кинотеатра, стали строить жилье. Тут коллектив не выдержал, и глухая стеночка, отделяющая «начальство» от «работяг», стала рассыпаться, рушиться. Завод явно получшел, хотя до рекордов было еще далековато.

В мае 1985 года Гонтаренко избрали первым секретарем горкома партии в Никополе. А весной нынешнего возникла ситуация, которую трудно уложить в привычные рамки экономических категорий. На завод позвонили из министерства и решительно потребовали в кратчайшие сроки (за два, в крайнем случае за три месяца) выполнить особо важный заказ.

— А план? — с ужасом и надеждой спросил новый директор завода Николай Иванович Поночевный. — Как с планом?

— Корректировать не будем. План — дело святое.

Директор бережно положил трубку на рычажки и вызвал к себе «мозговой штаб». Что делать? Предстояло изготовить

куда свозили предметы старины, антикварный фарфор, книги, иконы, утварь из опустевших окрестных церквей. «Маленький Эрмитаж, — бросил кто-то реплику. — Возами когда-то свозили, а потом все разграбили».

Я пошел в комитет народного контроля, который, как мне подсказали, занимался расследованием этого дела. Выяснилось, что музей закрыт уже более десяти лет: поднялись грунтовые воды, здание дало трещину. И действительно, многие ценности из музея исчезли. Куда?

— А вот мы сейчас посмотрим, — сказал председатель Никопольского КНК Николай Алексеевич Овечкин. — Минуту.

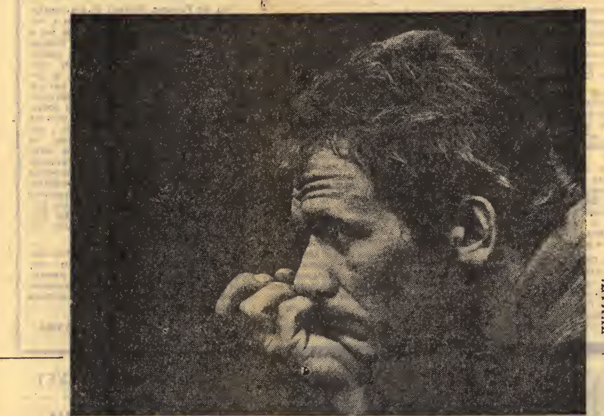
Он раскрыл передо мной папку. И тут я увидел... Нет, описывать не стану, приведу цитаты из акта народного контроля: «8 октября 1973 года представитель Днепропетровского исторического музея получил из фондов Никопольского музея 67 штук икон разных. Акт передачи не имеет номера, не указаны перечень и инвентарные номера экспонатов». «По акту номер 13 через тов. Бондаренко Л. Б. отправлена мраморная доска с церковного престола для Днепропетровского обкома партии». «По акту без номера передано тов. Шило С. И. 10 штук икон разных. Акт без печати, не указано, на каком основании производилась передача». (Естественно, ни в одном акте нет описания икон, какого они века и т. п.) «По инвентарным книгам 1948 года в музее числилось 78 единиц посуды (фарфор саксонский, мейсенский, XVIII века, фабрик Франции, Англии, России), а в 1975 году по акту передачи экспонатов значится посуды только 43 единицы. Местонахождение остальных единиц никто не знает». «Часть старых инвентарных книг исчезла»... Были, оказывается, случаи обменных сделок с частными лицами, когда из фондов музея переходили в чьи-то руки старинные монеты. Установлена недостача 700 экземпляров книг, среди них имелись ценные. О том, что после закрытия в Никополе Преображенской церкви ее ковры были развезены «по начальству», известно всему городу...

Музей разбазаривали на глазах у горожан. Мало того, что он был закрыт десять лет и целое поколение никопольчан ни разу в нем не побывало, произошло и нечто другое. Горожане видели, как грабят наше национальное достояние, культуру. Выходит, они работают на заводах, чтобы множить народное добро, а его бессовестно растаскивают — даже из музея!

Хочу сразу сказать, что как только в 1985 году сменили в Никополе руководство, для музея отыскалось помещение, в нем сделали ремонт, и когда я был в командировке, многие экспонаты уже упаковывались, готовились к переезду в хорошее здание.

Вернемся к разговору с Гонтаренко.

— Вы понимаете, что я хочу сказать? — спрашивал Анатолий Федорович, ломая

ДУМАЙ!..
Фото А. ГОРОЖАНЦЕВА
Фотоклуб «Радуга» (МОГИЛЕВ)

освоения Сибири, Дальнего Востока. Назову ее главную и острейшую проблему — жилищную. Каждому, кто едет на стройку или в молодой город, предстоит суровое испытание: годы в общежитии. В гор. Брежневе — он строится уже более 16 лет — чуть не четверть населения живет в рабочих общежитиях. Многие долгие годы ютились в вагонных городках «шанхайчиках», диких поселках «самостроя» — без всяких удобств, кроме крыши над головой.

Особенно тяжело матерям-одиночкам, их детям. В том же гор. Брежневе в общежитиях живут ребятишки, которые с молоком матери всосали какую-то особую психологию: при крике «Комендант идет!» шныряют под кровать. В Старом Осколе в общежитиях шестьдесят матерей-одиночек. В одной комнате вместе с матерью и ее ребенком проживают другие женщины. Прошу задуматься: мыслимо ли от этих людей, пятилетку за пятилеткой кантующихся по «общагам», ожидать полной отдачи сил производству?

Разумеется, с жильем худо не потому, что в торговле и общепите воруют, а на юге сдают втридорога квартиры. Но связь между отставанием соцкультбыта и тем, что некоторые работники хозяйственных организаций и местных органов власти до недавнего времени имели возможность

Отвечу: да, средства нужны. Но вот в том же Старом Осколе за прошлую пятилетку не освоили около 17 миллионов рублей на сооружение жилья. Деньги лежали мертвым капиталом, а мощности тамошнего домостроительного комбината не использовались на треть. Так позвольте молодежи самой строить себе дома — через два года в городе не останется ни одного общежития! Что же мешает — нерешительность? Скорее, привычка, непонимание требований перестройки: терпят люди многие годы, потерпят еще...

Где же заклинило колесо?

Такое впечатление, будто мы запрягаем телегу впереди лошади. И понукаем ее, бедную, нахлестываем кнутом... Порой — в порядке материального стимулирования подкидываем ей в ведерке овсеца. Телега, разумеется, ни с места. А мы доискиваемся: где же у нее заклинило колесо?

Не кажется ли вам, читатель, что за последние годы мы изобрели кучу нудных и вредных правил, обычаев, традиций, даже законов, которые опутывают нас по рукам и ногам, сталкивая инициативных, творческих людей с бетонным административным барьером? За ним сидят люди, обеспокоенные не общим исходом дела, а личным положением.

приятие, где используется машина. Стало известно, что на «Красном пролетарии» КИМ установлена. Там поначалу выдали акты — куда денешься. А потом, чтобы выручить министерское начальство, написали: да, такая машина в цехе вроде бы давно стоит, в углу, но ею не пользуются, и что она такое — неизвестно, потому акты подлежат аннулированию как ошибочные.

Блестящий ответ, правда?

Борьба за отечественный приоритет перенеслась под сень Фемиды. Фрунзенский районный народный суд Москвы назначил экспертизу, доказавшую правоту авторов. Решение вынесено в их пользу. Вы думаете, минстанкопромовцы сдались? Ну, нет, их на голую бумажку не возьмешь... К тому же восторжествуй истина, грянет и час расплаты. А кто это, спросят, подписал патентный паспорт не глядя? По чьей вине переплатили миллионы долларов? И потащат ведь... Поневоле надо изощряться. В Минстанкопроме отыскали ход: подали жалобу в Госкомитет изобретений с просьбой... отменить его решения 19- и 15-летней давности о выдаче авторских свидетельств, признав их недействительными.

А что тут удивительного? Такие маневры не раз удавались прежде. Напомню историю с Д. Ракситым, который изобрел

В крайнем случае он уступит свое место другому (в крайнем, повторю!). Большего бояться не надо. Перестройка пока не задела аппарат управления с этой стороны. И оборона противников ускорения здесь глухая, прочная, круговая. Хоть грудью бросайся на ДОТ — не поможет.

Да вот один совсем недавний пример.

Всем известно, с каким трудом складывается хозяйственный механизм ускорения. В нем особое место занимает система стимулирования за экономию топливно-энергетических и сырьевых ресурсов. Мы обращаемся с ними крайне расточительно. Поэтому было решено, что определенная доля от суммы экономии ресурсов обращается на вознаграждение тех, кто ее добился. Сразу и всюду взялись экономить! Процент отчисления от экономии указывался в коллективных договорах, о нем знали рабочие.

И вдруг в декабре 1985 года решается на четверть сократить средства на выплату премий за экономию ресурсов. Только-только наладили дело, воодушевили людей — бах, «артиллерия бьет по своим». Можно понять, что порой обстоятельства складываются неблагоприятно и в бюджете образуется дыра, которую требуется срочно залатать. Но тогда объясните вразумительно, скажите открыто: так, мол, и так, принимаем эту меру как исключительную... Ничего подобного не произошло. Что теперь отвечать рабочим, когда они приходят в кассу завода получать премии за экономию?

Ограничений, половинчатых решений, барьеров, рогаток, запрещений в последние годы накопилось много. Главное — запретов бессмысленных, никчемных, словно специально призванных показать власть аппарата над рядовым работником.

А потому — не хватит ли примеров?

«Езда в незнаемое»

Отчетливо сознаю, что сказал далеко не все, что хотелось и что накипело. Никопольский музей, жилье для молодежи, бесправное положение изобретателя, шатания в создании хозяйственного механизма — все это факты разного характера и взяты не по соседству.

Они объединены одним: вызывают чувство протеста. Я ощущаю боль тех, кого все это бьет по самолюбию, по судьбе. И то, что мы задумываемся об этих фактах, сосредоточиваем на них общественное внимание — одно из глубинных достоинств перестройки.

Мне думается, мы еще не до конца осознали, что она такое. Мы толкуем о ней как о чем-то привычном, известном, всем понятном. А так просто быть не может! Мы должны обсуждать ее проблемы постоянно и с разных сторон, сопоставляя точки зрения, позиции, доводы. Партия учит, что между перестройкой и револю-

первым секретарем горкома партии в Никополе. А весной нынешнего возникла ситуация, которую трудно уложить в привычные рамки экономических категорий. На завод позвонили из министерства и решительно потребовали в кратчайшие сроки (за два, а крайнем случае за три месяца) выполнить особо важный заказ.

— А план? — с ужасом и надеждой спросил новый директор завода Николай Иванович Поночевный. — Как с планом?

— Корректировать не будем. План — дело святое.

Директор бережно положил трубку на рычажки и вызвал к себе «мозговой штаб». Что делать? Предстояло изготовить несколько сложнейших землеройных агрегатов общей стоимостью около двадцати миллионов. А завод с огромным напряжением выполнял годовой план в семьдесят миллионов. С ума сойти!

После некоторого размышления решили «идти в народ». Руководство (в том числе и городского комитета партии, поскольку Гонтаренко, не отделяя себя от заводского коллектива, принимал по-прежнему участие в его делах) обратилось к людям с просьбой помочь попавшим в беду. Разумеется, была продумана до мелочей технология работ в две и три смены, для заказа выделены специальные участки в цехах, создан полигон со стендами для испытания агрегатов. Но сами по себе — «мозговой штаб» отлично понимал! — эти меры не решали задачи.

— И она никогда не была бы решена, если бы не люди! — утверждают Поночевный и его коллеги. — Возникло нечто, чему мы и название давно забыли, — трудовой энтузиазм.

Вот так, уважаемые читатели, Никопольский краностроительный за три месяца выдал два плана. Немыслимо, невероятно! Но — факт.

Давайте подумаем, как отнестись к этому «чуду». Радоваться или нет? Выходит, завод многие годы скрывал от самого себя резервы, заключающиеся в каком-то внутреннем раскрепощении работников? В экстремальной ситуации эти резервы раскрылись легко и естественно — что же мешало использовать их в другое время? Да, конечно, общая беда сплотила людей. Однако надо быть внутренне подготовленным к этому сплочению!

Разговор с Гонтаренко был трудный. Как же так, допытывался я у Анатолия Федоровича, вы старались изо всех сил, чтобы дойти до семидесятимиллионного рубежа, а тут скачок в производительности, да еще какой! Почему же раньше не удавалось?

Гонтаренко молчал, обдумывая ответ. Скулы его окаменели, глаза сузились, руки чуть не ломали карандаш.

— Раньше... — задумчиво повторил он и наконец выдавил: — Да все из-за того же музея. Не только из-за него, но вы понимаете, что я хочу сказать...

А с музеем произошла такая история.

После очередного рабочего дня на краностроительном — то было накануне разговора с Гонтаренко — я поехал в гостиницу. Попросил остановить машину у книжного магазина. Напротив высился красивый особняк, на нем вывеска: «Никопольский краеведческий музей». Дай, думаю, взгляну... Но когда подошел ближе, то увидел, что за окном висит пожелтевшее от времени объявление: «Музей для посетителей закрыт».

— Вот так раз! — сказал я вслух, несколько обескураженно и вроде ни к кому не обращаясь. — Для посетителей закрыт, а для кого ж открыт?

Ко мне подошел какой-то человек и бодро, словно мы только что прервали с ним разговор, ответил:

— Для начальства. Для него тут двери всегда были открыты настежь.

— То есть как? — изумился я.

Вокруг нас стал собираться народ, к разговору прислушались, он быстро стал общим. Выяснилось примерно следующее. Здешний краеведческий музей некогда был богатейшей сокровищницей, чан ни разу в нем не побывало, произошло и нечто другое. Горожане видели, как грабят наше национальное достояние, культуру. Выходит, они работают на заводах, чтобы множить народное добро, а его бессовестно растаскивают — даже из музея!

Хочу сразу сказать, что как только в 1985 году сменили в Никополе руководство, для музея отыскалось помещение, в нем сделали ремонт, и когда я был в командировке, многие экспонаты уже упаковывались, готовились к переезду в хорошее здание.

Вернемся к разговору с Гонтаренко.

— Вы понимаете, что я хочу сказать? — спрашивал Анатолий Федорович, ломая в сердцах карандаш. — При такой ситуации, при таких нравах разве можно было надеяться пробудить в людях отношение к заводу как своему? Что они, слепцы, что ли? Требовался решительный перелом в общественной атмосфере — его принес новый курс партии, апрельский Пленум ЦК, закрепил и упрочил XXVII съезд. Партия доказала всем, в том числе и нашим горожанам, что хозяин у нас — народ, а не хапуги и расхитители.

Сердцевина

Тут, мне кажется, Гонтаренко подошел к самой сути проблемы: взаимоотношению социальной справедливости и производительности труда. Вот где зарыты корни многих производственных бед, когда равнодушие к общим экономическим делам невозможно переломить никакими мерами, кроме оздоровления духовной атмосферы в обществе. Сегодня никто не станет отрицать, что, к примеру, крупные провалы в экономике Узбекистана и некоторых других республик и областей были порождены самой обстановкой, нравственным климатом в них. Не случайно перестройка всюду началась с наведения порядка, восстановления попранной законности, с открытой и нелицеприятной критики. Результат известен: принятые меры дали ощутимую прибавку в производительности! Выяснилось, что правдивое слово лечит экономику от многих заболеваний, в том числе от бюрократизма и бесхозяйственности.

Поэтому с такой остротой и был продолжен разговор о социальной справедливости на недавно состоявшемся Пленуме ЦК КПСС. Он призвал открыто показывать все, что сковывает нас и мешает двигаться вперед.

Никольский музей — символ, если хотите, — даже мелочь по сравнению с теми реалиями, которые отлично видели и знали все, кто приходит сегодня на завод, стройку, шахту, в НИИ и лаборатории. Прикрывшись щитом полугласных инструкций, устных и письменных распоряжений, телефонных накачек и келейных указаний, несправедливость проросла, накопила силу, обрела обыденную незаметность.

В статье «Умение жить»?» («ЛГ», 7 мая 1986 г.) социолог Е. Андрющенко называет слои и группы, которые живут порой на нетрудовые доходы: «Среди них, по мнению авторов (писем в газету. — И. А.), особенно часто встречаются работники торговли, общественного питания, сферы обслуживания. К ним примыкают медики, владельцы личных домов и квартир в курортных местностях, работники хозяйственных организаций и местных органов власти, правоохранительных органов». Подумаем, что стоит за этой многозначительной фразой. Ведь очевидно: раз есть какие-то слои, живущие не по труду, значит, должны быть и слои обиженных. То есть те, кто живет хуже, чем на то имеет право, кто обеспечен менее, чем мог, если бы заработанные им блага хитрым образом не отобрали другие, не так ли?

Полно, воскликнет читатель, разве есть у нас такие? Горько сказать, но есть. Кого назовем первым?

Начну с молодежи. Той, которая выносит на своих плечах основную тяжесть молоком матери всосали какую-то особую психологию: при крике «Комендант идет!» шныряют под кровать. В Старом Осколе в общежитиях шестьдесят матерей-одиночек. В одной комнате вместе с матерью и ее ребенком проживают другие женщины. Прошу задуматься: мыслимо ли от этих людей, пятилетку за пятилеткой кантующихся по «общагам», ожидать полной отдачи сил производству?

Разумеется, с жильем худо не потому, что в торговле и общепите воруют, а на юге сдают втридорога квартиры. Но связь между отставанием соцкультбыта и тем, что некоторые работники хозяйственных организаций и местных органов власти до недавнего времени имели возможность (всюду ли они ее лишились?) улучшать свои жилищные условия до шикарных, прослеживается четко. Зачем усиленно заниматься строительством жилья, поликлиник, детских садов и т. п., когда лично мои интересы удовлетворены полностью и даже с избытком? Как говорится, сытый голодного не разумеет...

А вот иная проблема. 70 процентов слушателей Дипломатической академии — дети руководящих работников различных рангов. Удивительно, что не все 100... Мне кажется, и в институте международных отношений давно введен конкурс не абитуриентов, а их родителей. Что это значит? Да только одно: те, кто держал конкурс и хотел принести свои знания, свой талант на алтарь Отечества, оказались за бортом привилегированных вузов. Теперь пойдите и поговорите с ними о справедливости.

А разве не делим мы страну на разные зоны питания и снабжения, из-за чего многим приходится ездить за колбасой и мясом в ближайшие столицы?

Заметьте: чтобы разрешить иные из трудных проблем, достаточно порой снять заклятие и сказать о них во всеуслышание, открыто. Лишившись покрова умолчания, они быстро улетучатся, словно мрачные призраки, живущие ночью и исчезающие с первыми лучами зари. Для этого не требуется ни капитальных вложений, ни долгой подготовки. Только слово — правдивое, чуткое, совестливое.

Могут возразить: и на строительство жилья не потребуется затрат? Это же миллионы рублей...

Такое впечатление, будто мы запрягаем телегу впереди лошади. И понукаем ее, бедную, нахлестываем кнутом... Порой — в порядке материального стимулирования подкидываем ей в ведерке овсеца. Телега, разумеется, ни с места. А мы доискиваемся: где же у нее заклинило колесо?

Не кажется ли вам, читатель, что за последние годы мы изобрели кучу нудных и вредных правил, обычаев, традиций, даже законов, которые опутывают нас по рукам и ногам, сталкивая инициативных, творческих людей с бетонным административным барьером? За ним сидят люди, обеспокоенные не общим исходом дела, а личным положением.

Передо мной лежат документы одного необычного — нет, пожалуй, необычным его не назовешь! — дела. Группа изобретателей (А. Колискор, А. Кобринский, А. Корендясев, Е. Левковский) получила два авторских свидетельства на особый способ измерения сложных поверхностей деталей. Произошло это в 1967 и 1971 годах. Для непосвященных скажу, что эти два документа практически открыли целую отрасль станкостроения, на их принципиальной основе за рубежом создана индустрия координатно-измерительных машин (КИМ), которые, автоматически контролируя качество продукции, дают огромный экономический эффект. Но и ценятся они солидно! Каждая КИМ — от 250 тысяч до миллиона долларов.

Прошли годы. Минстанкопром не внедрял эти изобретения в производство. Мало того когда аналогичные машины начали ввозить из-за рубежа (через семь-восемь лет после создания их у нас в стране!), никто не подумал даже сделать отметку в патентном паспорте о том, что идея КИМ принадлежит советским авторам. Из-за этого машины покупали за границей без соответствующей скидки, затратили лишние десятки миллионов долларов.

Между тем изобретателям не выплачено ни гроша. Но послушайте, что произошло дальше! Когда авторы разузнали, что КИМ поступают к нам по импорту, они попытались получить справку о том, что в них использовано отечественное изобретение. Ее должно подписать пред-

у авторов. Решение вынесено в их пользу. Вы думаете, минстанкопромовцы сдались? Ну, нет, их на голую бумажку не возьмешь... К тому же восторжествуй истина, грянет и час расплаты. А кто это, спросят, подписал патентный паспорт не глядя? По чьей вине переплатили миллионы долларов? И потащат ведь... Поневоле надо изощряться. В Минстанкопроме отыскали ход: подали жалобу в Госкомитет изобретений с просьбой... отменить его решения 19- и 15-летней давности о выдаче авторских свидетельств, признав их недействительными.

А что тут удивительного? Такие маневры не раз удавались прежде. Напомню историю с Д. Раксиным, который изобрел приспособление для формовки и раскроя воротника из меховой шкурки («ЛГ», 31 мая 1978 г.), его авторское свидетельство было опорочено именно так. Когда нужно было заплатить изобретателю, принесшему стране многомиллионный выигрыш, положенную сумму вознаграждения, в Минлегпроме СССР «зачесались»: а не многовато ли одному человеку? Нет, ничего незаконного в такой выплате не было бы, наоборот, закон требовал ее! Но то ли зависть кому-то глаза застила, то ли в министерстве решили себя показать ретивыми защитниками государственных интересов, пекущимися о казне, но только по настоянию Минлегпрома Госкомизобретений взял да и... отменил выданное Д. Раксину авторское свидетельство. И можно не платить. Новшество давно применяется во многих местах, приносит ощутимую пользу, уже материально поощряются те, кто его и дальше усовершенствовал, а создатель «корня», из которого оно произросло, не может добиться справедливости. В его защиту выступают авторитетнейшие специалисты, но Госкомизобретений стоит твердо, как скала. Как памятник. Только — чему? И вдохновит ли такая твердость новаторов на новые поиски?

Откуда пошла беззащитность творческого человека перед аппаратом, на чем она держится и чем чиновник силен? На мой взгляд, только одним: экономической независимостью. Ведь аппаратчик не оплатит государству прямой ущерб и упущенную выгоду от невнедрения изобретения или расхолаживания изобретателей.

ра и взяты не по соседству.

Они объединены одним: вызывают чувство протеста. Я ощущаю боль тех, кого все это бьет по самолюбию, по судьбе. И то, что мы задумываемся об этих фактах, сосредоточиваем на них общественное внимание — одно из глубинных достоинств перестройки.

Мне думается, мы еще не до конца осознали, что она такое. Мы толкуем о ней как о чем-то привычном, известном, всем понятном. А так просто быть не может! Мы должны обсуждать ее проблемы постоянно и с разных сторон, сопоставляя точки зрения, позиции, доводы. Партия учит, что между перестройкой и революцией стоит знак равенства. А революция, как и поэзия, вся — «езда в незнаемое».

Революции начала века были интегрированным возмездием за социальную несправедливость, копившуюся в России столетиями. Народный идеал счастья сомкнулся в них с политическими целями, и на какое-то время проблема была решена. В стране возник высокий творческий накал, он сплотил и укрепил народ в своей вере в социальную справедливость, человечность нашего строя. Я бы сказал — обострил совестливость. И потому мы болезненно переживаем накопившиеся у нас в стране зло, шлак и пепел. Болезненно ощущаем чиновное пренебрежение интересами личности и общества, прорехи хозяйственного механизма. «Ни рабочий класс, ни крестьянство, ни техническая, ни творческая интеллигенция, — сказано было с высокой партийной трибуны, — никто больше не хочет жить по-старому, мириться с тем, что устарело, что тормозит наше движение и омрачает нашу действительность, нашу жизнь, наш социалистический строй». Поэтому-то, стремясь привести в движение «человеческий фактор» на производстве, мы обязаны не только улучшать быт, торговлю, здравоохранение, организацию труда и т. п. Представляется, что все это — лишь части многогранной проблемы восстановления социальной справедливости. Расчистка многолетних завалов на путях развития общества способна дружно, по-весеннему двинуть в рост и экономику.

Заметки на полях

Всеволод Цюрупа. «Колокола памяти». Политиздат. М. 1986.

Потому и победила

Три часа ночи. Рядом с Лениным за столом заседания Совнаркома его сподвижники, прошедшие, как и он, жестокую школу революционной борьбы. Все они не достигли еще своего пятидесятилетия, некоторым едва за тридцать. И среди них — народный комиссар продовольствия Александр Дмитриевич Цюрупа, с лицом, побледневшим от напряжения и недоедания. Ленин пишет ему своим быстрым, летящим почерком: «Смотрю на Вас и жалею Вас: надо бы Вам заменять себя Свидерским и отдыхать...»

Спустя примерно два с половиной года, 21 января 1922 года, сам совсем больной, переутомленный, Владимир Ильич снова проявляет заботу о своем товарище: «Доктор разрешил Вам 8 часов работать. Я абсолютно настаиваю на том, чтобы Вы ограничились на ближайшие четыре недели 4 часами... и, кроме того, полным отдыхом в субботу, воскресенье и понедельник...»

Две иллюстрации их отношений, Ленина и Цюрупы. Обе — из книги «Колокола памяти». Работы интересной, вобравшей в себя документы времени, воспоминания отца и сына Цюрупы. Причем ее главных героев можно назвать сразу: Ленин и Революция. Автор четко ставил перед собой эту задачу — вложить в книгу самое большое свое богатство: рассказы отца о Ленине, о работе с ним, о разговорах с ним, после которых, по свидетельству Александра Дмитриевича, в самой трудной обстановке ясно высвечивался смелый план государственных действий, ярко проявляла себя блистательная логика ленинской мысли.

И, разумеется, на этом фоне свое, тоже центральное место в книге занимает фигура одного из ближайших сподвижников Ильича, наркома продовольствия. О нем — своеобразный эпиграф на обложке: «Революция потому и победила, что с первых же дней ее рядом с Лениным стояли такие люди, как А. Д. Цюрупа».

Есть в нашей летописи примеры, которые знает, пожалуй, каждый школьник. Для нас таким хрестоматийным примером остается случай, когда на заседании Совнаркома в голодном обмороке упал народный комиссар продовольствия. Человек, в чьих руках были сосредоточены все продовольственные ресурсы страны!

Не считаю известный этот факт ординарным и сегодня. Как-то, теперь уже сравнительно давно, мне рассказывали на Кубе о колоссальном нравственно-психологическом воздействии подобных примеров на нынешнюю молодежь. Радио республики не один раз повторяло историю о голодном обмороке Цюрупы (как, кстати, и многое другое из жизни Советской страны после революции). И мне кажется, привлекать в союзники Память надо не бояться и нам. Нравственность партийца, его самоотверженность, умение постоять за свои принципы... Разве не стоят сейчас столь же остро эти вопросы?

Всеволод Александрович, сын Цюрупы, был публицистически точен, выбирая для книги тональность, угол зрения (был — поскольку, как ни печально, он не дожил до выхода в свет своей работы, и ее в течение трех лет продолжала его жена, писатель Э. Цюрупа). Читая «Колокола памяти», не просто фиксируешь отзвуки прошлого — видишь прямую связь проблем, событий вчерашнего и сегодняшнего дня. Продовольственная программа, новая хозяйственная политика, совершенствование управления народным хозяйством... Параллели возникают одна за другой.

Вот, скажем, беседы Ленина и Цюрупы перед X съездом партии, подготовка решения о замене продразверстки натуральным налогом. Чем характерен момент? Это время было для всей партии, передает сын слова своего отца, «школой политического мужества». И показывает в книге, как ответственна была работа, возложенная на комиссариат продовольствия историческим поворотом, нэпом, как необходимо было преодолеть не только организационный, но и психологический рубеж, перейти на иные принципы и методы... Чувствуете созвучие времени?

Современно все, о чем рассказывает и напоминает книга. Ее страницы листаешь, как годы, и остаешься тем не менее в своем времени. И это не парадокс. Скорее — закономерность. Наркомы ленинской поры сеяли семена, которым предназначалось взойти отнюдь не сразу. Взойти спустя десятилетия, для нас с вами.

Юрий ЗАРЕЧКИН

Читатели «ЛГ» о статье

«КОГО и КАК выдвигают на должность»

Так называлась статья, опубликованная в «ЛГ» 12 ноября 1986 г. Она вызвала немало откликов. Сегодня мы публикуем часть из них и комментарий автора статьи.

■

В статье затронут один из наиболее острых и больных вопросов нашей производственной и общественной жизни. Негативные явления в подборе и расстановке руководителей, надо честно сказать, получили довольно широкое распространение. В результате у руководства иной раз оказываются негодные, некомпетентные или, хуже того, нечестные и нечистоплотные люди. Необходима демократическая система подбора и выдвижения работников на руководящие должности. Причем нужно ей непременно придать обязательный характер — законодательно закрепить. Надо, чтобы газета продолжила тему.

Л. БОРИЛИН,
ветеран войны и труда
МОСКВА

■

С предложением автора статьи о создании Главного управления кадров при Совете Министров СССР согласиться нельзя. И так уж слишком велик в нашей стране государственный аппарат. В 1946 г. я завербовался во Владивостоке на одно предприятие. В то время там был один инспектор по кадрам, затем взяли еще двух инспекторов, через некоторое время ввели должность начальника отдела кадров, а теперь еще должность заместителя директора по кадрам. А штат предприятия остался на том же уровне.

А. БОНДАРЬ
МОСКВА

■

Плохо, что в стране еще мало практикуется обмен кадрами между республиками. Показал себя руководитель хорошо, скажем, в Узбекистане — езжай на Украину, в Белоруссию, Прибалтику и т. д., а оттуда проверенные кадры — к нам, в Узбекистан. И если у такого работника возникнут, откровенно говоря, не очень хорошие мысли насчет окружения себя «своими» людьми, то сделать это не на «родной почве» будет труднее.

Е. КРИМОНТ,
врач
ТАШКЕНТ

■

Предложения, высказанные в статье, прогрессивны, нужны. Они в духе решений XXVII съезда КПСС. Но как их реализовать? Надо смотреть правде в глаза. Ведь сейчас встречается решительное сопротивление куда более безобидным и вполне естественным требованиям, например, о необходимости твердой производственной дисциплины и организованности. А перестроить работу с кадрами на демократических принципах во сто крат сложнее. Хотя все понимают, что от этого в решающей степени зависят и дисциплина, и организованность, да и успех всей перестройки.

М. ВОРОНОВ
НОВОСИБИРСК

Что показала почта

В большинстве писем содержится одобрение позиции, высказанной в моей статье «Кого и как выдвигают на должность». Но важно подчеркнуть другое: и сама эта публикация, и отклики на нее вызваны к жизни происходящей в обществе перестройкой. Многие практические рекомендации, связанные с совершенствованием системы работы с кадрами, которые нахожу в читательских письмах, созвучны задачам в области кадровой политики, сформулированным на только что закончившемся Пленуме ЦК КПСС! И прежде всего убежденность людей в том, что выдвигать на должность надо демократическим путем. Именно так поставлен этот вопрос и на Пленуме ЦК КПСС.

В своих письмах читатели приводят немало фактов, когда «келейность» в работе с кадрами давала «пропуск» ко многим руководящим должностям лицам некомпетентным и недостойным. Это происходило, несмотря на то, что протекционизм, выдвижение кадров по признакам личной преданности, землячества, кумовства и т. п. осуждены и продолжают быть постоянным предметом критики на совещаниях, заседаниях, в печати и по телевидению.

Из писем читателей отчетливо вырисовываются по крайней мере три опасные тенденции. Первая: есть немало руководителей, которые сейчас одной рукой с энтузиазмом подписываются под любым документом о расширении демократических начал в кадровой работе, а другой держат телефонную трубку, давая указания принять на работу «своего» человека. Вторая: вроде бы коллегиально формируется резерв на выдвижение, кое-кого даже стали избирать на должность, но... предварительно, в узком кругу, все заранее оговаривается. Фактически человека назначают, а обставляется все так, будто он получил должность демократическим путем. Сооружается красивая «ширма», скрывающая старый порядок. И третья тенденция, я назвал бы ее «издержкой» демократии: руководителям сейчас предоставляются все более широкие полномочия, поощряются их самостоятельность и инициатива. Поэтому многие из них рассуждают примерно так: хочу — единолично назначу работника, хочу — спрошу мнение коллектива или общественных организаций, захочу «поиграть» в демократию — объявлю конкурс или выборы на должность, а хочу — отменю. И самое интересное, что это действительно его право: закона пока нет. Решительный отпор таким настроениям дал Пленум ЦК КПСС.

Уверен, без нормативного закрепления порядка, форм и процедур использования гласности, коллегиальности и учета общественного мнения при решении кадровых вопросов не обойтись. Я не разделяю пессимизма М. Воронова, отрывок из письма которого сегодня опубликован. Всякое новое дело всегда встречало и встречает сопротивление, порою ожесточенное. Но сопротивление преодолимо, тому порукой преобразования, свидетелями и участниками которых мы являемся.

Ю. РОЗЕНБАУМ,
доктор юридических наук, заслуженный юрист РСФСР

Даже если ласточка — цыпленок

Репортаж с прямых переговоров советского объединения и венгерского комбината

Я ПРИШЕЛ неожиданно для Управления внешних связей Госагропрома СССР и присел за стол переговоров седьмым.

Карой Берци, коммерческий директор венгерского комбината «Баболна», в упор спрашивает почти без акцента:

— Вы будете писать о нашем сегодняшнем разговоре?

Объясняю: 27 января 1987 года было напечатано постановление Совета Министров СССР «О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий, международных объединений и организаций СССР и других стран — членов СЭВ». Там сказано: сообщение о с о з д а н и и международного объединения публикуется в печати. О создании! А здесь, рядом с нетронутыми стаканами (не тянет в минус тридцать на боржом) и переполненными пепельницами, — только еще проекты учредительных документов: договора между «Баболной» и производственным бройлерным объединением «Ставропольское» об организации международного объединения по координации производства мяса цыплят и устава этого предполагаемого объединения. Вот разработают эти документы, да подпишут их генеральный директор «Баболны» Бурхарт и ставропольский генеральный директор Постников, да согласуют их в Госплане СССР, да зарегистрирует Минфин СССР — вот тогда будет с о з д а н и е, вот тогда и напишем! Только много еще боржома утечет...

— Да, конечно, — кивает Карой Берци, — вы правы, ребенок должен еще родиться. Но и сам процесс интересен, по-моему...

Интересно идти нехоженой дорогой. Думать и спорить над фразами, которых никто до тебя не писал. «Прибыль между венгерской и советской стороной делится пропорционально вкладам, которые...» Как определять величину вкладов? Павел Иванович Лобач, заместитель генерального директора «Ставропольского», думает об этом несколько иначе, чем заместитель генерального директора «Баболны» Габор Надь.

Прекрасно, что они спорят. Замечательно, что Павел Иванович так неподдельно горячится. Это значит, что самоокупаемость, три года как введенная у них в порядке эксперимента, — самая настоящая. Это значит, что экономика наша живет, дышит, развивается. Ведь давно ли — немного лет тому — совсем другим директором была сказана фраза, ехидно повторенная потом не раз недругами как иллюстрация нашей полной экономической безграмотности: «Что значат между друзьями один-два процента прибыли!..»

Нет, за этим столом, где сидят не просто друзья, но давние, испытанные партнеры, спорят из-за десятых долей процента. Потому что методы управления нашей экономикой становятся наконец экономическими. А не административно-головотяпскими.

О ПБО «Ставропольское» я писал недавно в статье «Лишние люди» («ЛГ», 24 декабря 1986 г.). Речь шла о том, как в ходе хозрасчетного эксперимента объединение борется с горе-партнерами, дармоедски сосущими их прибыль. И вот новый шаг экспериментаторов — навстречу партнерам настоящим, деловым, сотрудничество с которыми сулит выгоду предприятию и всем его потребителям. «Баболна» будет поставлять не только цыплят для откорма, но и ветеринарную технологию, витаминные добавки, премиксы. Она будет заинтересована в росте привесов и сохранности поставляемого поголовья — ведь это увеличит прибыль международного объединения, значит, и ее, венгерскую долю.

Хорошо, что импортируем передовую технологию, управленческий опыт. Еще лучше будет, если наши управленцы — Госплан, Минфин, ЦСУ, — от которых сейчас зависит продолжительность периода согласования и подготовки, не станут экспортировать волокиту и бумаготворчество.

Пусть первая ласточка скорее сделает весну. Даже если минус тридцать на дворе. Даже если эта ласточка — цыпленок.

Алексей ЧЕРНИЧЕНКО

Б. ДАНИЛОВ,
токарь-лекальщик, изобретатель, специальный корреспондент «ЛГ»

РАЗГОН

Ведомственность умеет показывать зубы: в прямом столкновении с ней потерпела крах даже популярная в стране рабочая лаборатория. Так «перестраиваются» те, кому не нужна инициатива новаторов.

ДВЕ ТЕЛЕГРАММЫ были посланы из Москвы в Ленинград по одинаковому адресу: производственное объединение «Вибратор», лаборатория слесаря-новатора Н. Васильева.

Первую генеральный директор объединения зачитал и торжественно вручил адресатам: «За двадцать пять лет коллективом лаборатории проделана значительная работа по созданию и внедрению средств механизации, автоматизации, высокопроизводительного инструмента, внедрение которого на предприятиях дало значи- изобретений получен эффект в 18 миллионов рублей. Столько же!

То, что делала лаборатория Васильева, было позарез нужно в самых разных отраслях народного хозяйства. Я просмотрел сотни писем на имя директора от различных организаций с просьбами о разработке или изготовлении аппаратов и устройств в лаборатории Васильева.

НОВЫЙ директор начал с того, что распорядился отключить в лаборатории телефоны. Вскоре после это-

...ИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЗИЛ». *Ежедневная информация о работе трудовых коллективов в условиях госприемки — правило ...сборочного корпуса.*
Фото **В. СОБОЛЕВА** (ТАСС)

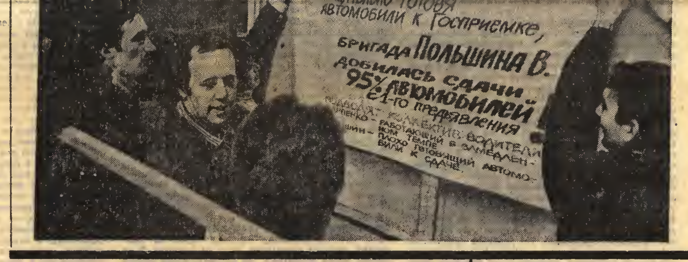
Пожалуй, отчетливее всех выразил мнение большинства Герой Советского Союза генерал-лейтенант Г. Ф.

рабочая лаборатория. Так «перестраиваются» те, кому не нужна инициатива новаторов.

час зависит продолжительность периода согласований и подготовки, не станут экспортировать волокиту и бумаготворчество.

Пусть первая ласточка скорее сделает весну. Даже если минус тридцать на дворе. Даже если эта ласточка — цыпленок.

Алексей ЧЕРНИЧЕНКО

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ... *мация о работе трудовых коллективов в усл... автосборочного корпуса.*

ДВЕ ТЕЛЕГРАММЫ были посланы из Москвы в Ленинград по одинаковому адресу: производственное объединение «Вибратор», лаборатория слесаря-новатора Н. Васильева.

Первую генеральный директор объединения зачитал и торжественно вручил адресатам: «За двадцать пять лет коллективом лаборатории проделана значительная работа по созданию и внедрению средств механизации, автоматизации, высокопроизводительного инструмента, внедрение которого на предприятиях дало значительный эффект в народном хозяйстве. Желаю здоровья, дальнейших творческих успехов. Министр приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР М. Шкабардня». Вторую — из Совета Министров СССР директор коллективу не вручал и не зачитывал. Невероятно, но факт — правительственная телеграмма не дошла до адресата! Кто на «Вибраторе» получил ее и получал ли? Мне в объединении выяснить так и не удалось. Это казалось настолько удивительно, что я усомнился: была ли телеграмма вообще?

По возвращении из Ленинграда, куда ездил по заданию «ЛГ», обратился в приемную заместителя Председателя Совета Министров СССР А. К. Антонова. Там подтвердили: да, 20 февраля 1986 года Алексей Константинович направил лаборатории поздравление с юбилеем.

Итак, две телеграммы схожего содержания постигла абсолютно разная судьба. В чем дело? Объяснение одно: произошла смена руководства, и вторую депешу на «Вибраторе» получил уже другой директор. У него в отличие от предшественника не было желания поздравлять рабочих-изобретателей. Наоборот, было желание... разогнать новаторов.

В. И. Сивченко пришел укреплять объединение «Вибратор» с репутацией сильного руководителя. Незадолго перед тем он успешно ликвидировал прорыв на одном из пригородных заводов. На новом месте в поле его зрения сразу попала лаборатория Н. Васильева.

Их было одиннадцать. Слесари, фрезеровщики, токари — все рабочие высшей квалификации. Васильев — руководитель лаборатории, заслуженный изобретатель республики — одинаково успешно мог стоять у станка, работать за тисками или у кульмана. Впрочем, не только он — все его «лаборанты» трудились так. А потому и путь их разработок был раз в десять короче, проще и дешевле, чем в любом КБ или НИИ.

Нет, рабочая лаборатория не пыталась таковые подменить. Она знала свое место, но и цену себе знала. Предлагала любой творческой организации соревноваться по эффективности разработок и сумме затрат на их осуществление. Свои идеи они «обжелезивали» сами. То, что получалось, возможно, не было сверхсложным. Но безусловно полезным. Сделали первыми в стране инструменты с виброзащитой, которые до сих пор спасают от вибрационной болезни десятки тысяч людей. Организовали полусерийный выпуск массажеров-автоматов собственной конструкции для московской Олимпиады. Совместно с ВАСХНИЛ разработали и изготовили принципиально новый доильный аппарат, избавляющий буренок от заболеваний маститом, а значит, от безвременного попадания на бойню.

Я поинтересовался народнохозяйственным эффектом от внедрения их разработок. Вот цифра: 18 миллионов рублей! Как изобретатель с большим стажем, могу заверить — это много. А в подтверждение предлагаю сравнить: в моем рабочем архиве есть документ, где одобряется деятельность 120 изобретателей города Перми. Сказано, что за 22 года от их изобретений получен эффект в 18 миллионов рублей. Столько же!

То, что делала лаборатория Васильева, было позарез нужно в самых разных отраслях народного хозяйства. Я просмотрел сотни писем на имя директора от различных организаций с просьбами о разработке или изготовлении аппаратов и устройств в лаборатории Васильева.

НОВЫЙ директор начал с того, что распорядился отключить в лаборатории телефоны. Вскоре после этого Госкомитет по телевидению и радиовещанию обратился к В. И. Сивченко с просьбой разрешить заснять новые разработки лаборатории Васильева для передачи. «Не разрешаю», — написал директор на письме телевизионщиков.

Отказом ответила администрация завода и на предложение представить работы лаборатории для экспозиции на ВДНХ СССР. (На одиннадцать человек приходилось 50 медалей, дипломов ВДНХ и международных выставок. Только у Николая Николаевича Васильева шесть медалей ВДНХ. Не удивительно, что там помнили об этом коллективе.)

Ежегодно по традиции в лаборатории собирались энтузиасты из Ленинградского совета новаторов: рабочие-специалисты, изобретатели, профессора ряда институтов. Здесь был своеобразный центр по проблемам ликвидации тяжелого физического труда. Обменивались идеями, опытом, договаривались о сотрудничестве. В 1986 году директор запретил пускать их в лабораторию.

А затем последовал приказ. «В связи с реорганизацией объединения, — говорилось в нем, — приказываю: 1. Перевести с 1 апреля 1986 года в различные подразделения следующих работников... (следовал список фамилий. — Б. Д.). 2. Начальнику отдела кадров: работников, не согласных с этими изменениями, трудоустроить согласно КЗоТ РСФСР (читай —можно «по собственному». — Б. А.)». В списке были названы одиннадцать фамилий сотрудников лаборатории Васильева.

С первого апреля! Но это не было первоапрельской шуткой администрации. Лабораторию разогнали всерьез.

Те, кто разгонял, делали вид, что лаборатории... вообще нет. Как говорится, «ловкость рук и никакого мошенства». Нет в телефонном справочнике. Нет в телепередаче. Нет на выставке. Нет в жизни Совета новаторов. И даже в приказе, который ее фактически уничтожил, лаборатории — нет! Просто распределяют по цехам неизвестно откуда взявшихся станочников. Ни слова о том, что ликвидировано структурное подразделение, входившее в состав КБ завода.

Все делалось тихой сапой.

Точь-в-точь как в истории с исчезновением телеграммы заместителя Председателя Совмина СССР!

Труднее было сделать вид, что лаборатории никогда и не было. Сотрудничавшие с ней, узнав о разгоне, обратились к администрации с просьбами сберечь хотя бы ценный задел, не дать ему пропасть. Говорили: передайте нам техдокументацию, образцы и оснастку. С этим обратились к директору В. И. Сивченко завод «Пневматика», Всесоюзный проектно-технологический институт энергетического машиностроения и другие организации.

Требовалось срочно принять решение. И оно было принято: ответов не давать, а в помещение бывшей лаборатории командировать рабочих с лопатами и носилками. Штампы, пресс-формы, оснастку на множество изобретений и разработок — все вывезли в утиль.

Одно меня радует во всей этой дикой для нашего времени истории — она не прошла «по-тихому», как хотелось устроителям ее. Сработал механизм гласности, и факт разгона лаборатории стал предметом обсуждения ленинградской общественности. Дважды по этому поводу выступала «Ленинградская правда» («Поторопились...» и «Обманный маневр»). Свой произвол дирекция попыталась оправдать с помощью ряда передержек и подтасовок. Ничтоже сумняшеся их отправили газете в качестве ответа. А суть сводилась к обвинению коллектива Васильева в «низком уровне эффективности труда в минувшей пятилетке».

Я сам держал в руках четыре авторских свидетельства, полученных лабораторией в 1983—1985 годах; и одиннадцать заявок на изобретения, посланных в Госкомитет за тот же период. А поддакивающий директору председатель совета ВОИР «Вибратора» Л. Комиссар, не моргнув глазом, уверяет, что «за минувшую пятилетку лаборатория не дала ни одной разработки и не получила ни одного авторского свидетельства». Диву даешься: слышал ли он хотя бы о «бесконтактных схватах для роботов»? Только на одном «Вибраторе» внедрение их позволило бы механизировать операции на действующих здесь токарных автоматах, избавиться от ручного труда и сберечь средств значительно больше, чем затраты на лабораторию за десять лет.

Когда отправлялся в Ленинград, несостоятельность обвинений в дармоедстве мне была заранее ясна, ибо много лет знаю Николая Николаевича Васильева — трудягу и изобретателя до мозга костей. Но, может, выдохся мой коллега, иссяк?

Побывав у него, с радостью и горечью убедился: нет, не иссяк. Мне ли, рабочему-изобретателю, не знать, что вот эти хотя бы шаровые тиски, которые он чудом спас от сдачи в утиль, — мечта любого слесаря? Горько, потому как — неосуществленная мечта...

Убедился, что горечь мою разделяют ленинградские коллеги-изобретатели. Председатель Невского Совета новаторов, лауреат Государственной премии СССР В. Трутнев твердо уверен в фальсификации «дела Васильева». Возмущается: мало — разнесли, но еще и смеют чернить!

Меня интересуют не предлоги, а истинные причины расправы. Излагая их, директор «Вибратора» не церемонится с выбором слов. Вновь и вновь, дивясь, перечитываю документ, выражающий мнение «сильного руководителя»: интервью В. И. Сивченко «Ленинградскому рабочему».

Директор, прибегая к софизмам, для начала пускается доказывать то, что Васильев... не рабочий. Поскольку, мол, был на инженерной должности, руководил коллективом. И в подтверждение ссылается на штатное расписание, историю вопроса, даже толковый словарь.

«Данный вопрос очень важен, — говорит он, — поскольку есть мнение, будто на «Вибраторе» чинят самосуд над рабочими. Знайте, это не так. Хотя, пожалуй, именно это самолично присвоенное Васильевым звание слесаря породило множество противоречий».

Не знаю, можно ли присвоить звание слесаря? Знаю, что у Васильева шестой разряд. Да пусть хотя бы и инженер. Полагаю, что самосуд и над инженерами чинить не гоже.

Далее, разоткровенничавшись, директор «Вибратора» уточняет свою позицию: «Я государством призван соблюдать ведомственные интересы (здесь и далее подчеркнуто мною.—Б. Д.), для меня, руководителя, дорога выгода вверенного мне предприятия... Лаборатория из КБ при заводе превратилась как бы в независимый НИИ — берет заказы со стороны, выступает с инициативными работами, не соответствующими профилю предприятия... Вот и выходит: коллектив Васильева, как творческий, давно бесплоден с точки зрения нашей фирмы».

И тут журналист говорит то, что сам я, может, и не сказал бы Владимиру Ильичу Сивченко из скромности: «Но есть ведь интересы государства! Васильев — изобретатель, и значит, нужен стране. Его творения — общее достояние!»

Ответ директора полон сарказма:

«Согласен. Голосую за это... Если ваша редакция настаивает, то готовы этот коллектив с годовым расходом зарплаты в 30 тысяч рублей передать вам на баланс. Возьмете?..»

Ну где был директор со своим остроумием раньше? Почему не поместил он в том же «Ленинградском рабочем» такое, положим, объявление: «Желающему на баланс передам коллектив, дающий на рубль зарплаты 23,3 рубля народнохозяйственного эффекта. Нам он не нужен. Обращаться в ПО «Вибратор».

Вот бы все и посмеялись. А заодно ясно увидели гримасы ведомственности, которая в ходе перестройки, оказывается, не только не исчезает, но даже показывает зубы.

Не сделал этого директор Сивченко. А без всяких объявлений, жестоко и — нет другого слова — вероломно уничтожил лабораторию.

И тут уж не до смеха.

Ленинградский рабочий, заслуженный рационализатор РСФСР Юрий Козловский сказал мне: «Лабораторию Васильева не возродить. Их так обидели, обесчестили, что они уже никогда не возьмутся за коллективное творчество. Бюрократы оказались сильнее...»

Неужели прав? Не верю. Это не в духе решений последнего Пленума ЦК КПСС.

ЛЕНИНГРАД

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

Равнодушных— НЕТ

О чем думают, говорят и спорят в Манеже

ТРЕВОЖНОЕ, любовное, насмешливое, гневное вглядывание в макеты, стенды, эскизы... Каким будет этот главный монумент памятника Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов? У одних проектов — пустовато, у других — толпа густеет, вспыхивает спорами.

— Дайте мне человека! — горячится седовласый мужчина. — Не надо мне геометрических фигур. Через человека выразите идею!

— Нет, человеком не обойдешься, — снисходительно объясняет усатый парень. — Смотрите, вон сколько примитивных фигур. Образ должен быть богаче.

В другом кружке разговор касается личностей.

— А вы где были во время войны? Так, так... А пытаетесь судить...

На третьем пятачке — полемика об исторических традициях.

— Георгий Победоносец на коне? Старо! Нужны новые идеи...

Около проекта № 206 почти всегда толпа и всегда споры. Четыре высоких белокаменных пилона, поверху объединенных золотым шаром, на котором высится фигура женщины, матери-Родины с яблоневыми ветками в распахнутых руках. Как оценивают люди? Промолчу: жюри просило пока не давить на мнения. Но если читателя интересует мое суждение, скажу: мне нравится замысел, нравятся белокаменные пилоны, но я бы поставил на них не золотой шар, а голубой, на нем фигуру женщины, исполненную в белом мраморе, с ребенком на руках.

Прислушаться к посетителям интересно, но еще интереснее внимать профессионалам. Обсуждение, которое на днях проводили вместе художники и архитекторы, было страстным, с шумом, с громом, с патетикой, с обличениями. Но суд суров: большинство участников обсуждения не приемлет выставленных работ. Уровень их исполнения невысок, решения традиционны, не освещены искрой гения.

Пожалуй, отчетливее всех выразил мнение большинства Герой Советского Союза генерал-лейтенант Г. Ф. Самойлович. Не надо спешить, сказал он. Ждали долго, подождем еще. Надо продлить конкурс, провести еще два тура, отобрать как следует. И уже тогда с уверенностью приступить к сооружению монумента.

Стоит ли возводить памятник именно на Поклонной горе? — задавали вопрос художники, архитекторы, писатели. Место выбрано не очень удачно, как бы в стороне от города. Нужно, считают некоторые, чтобы памятник был в центре Москвы, жил с нами, воздействовал на нас постоянно. Но место уже обусловлено, работы начаты, средства истрачены — как быть? Один из выступивших художников сказал, что выставка в Манеже, по его мнению, показала: мы хорошо критикуем, но плохо работаем.

Однако жюри не так мрачно настроено. Интересные работы есть, подчеркнул на пресс-конференции в Манеже председатель жюри президент Академии художеств СССР Б. С. Угаров. Он сказал, что жгучий интерес к выставке отодвинул дату закрытия до 15 февраля. А потом?

Потом жюри отберет восемь самых удачных работ, которые снова будут выставлены для обозрения. Должны быть названы три победителя. Лучшая работа будет осуществлена.

...Приглядываюсь, прислушиваюсь к людям, вспоминаю предшествующий показ в зале на Крымской набережной прежнего проекта — горький плод закрытого конкурса. Тогда я слышал поразительно много резких слов. «Помпезно, грубо, бездарно» — так говорили люди, словно задетые личной обидой, обойденные высокомерным небрежением. Сейчас посетители рассматривают экспонаты без вызова, без уязвленного самолюбия, с хозяйской требовательностью, как свое. И это — одно из завоеваний времени.

Люди думают... Они ходят сейчас среди картонных колонн, останавливаются среди всадников, поражающих змей, сосредоточенно всматриваются в женские фигуры, чаще торжествующие, просветленные, а иногда как-то окаменело воинственные, изучают скульптуры воинов: простой солдат, комиссар с наганом в руках, будто сошедший с известной фотографии, рыцарь с мечом в руках... Думают, ищут.

Недалеко от выхода, затаившись по углам, люди пишут на листках о впечатлениях, будто о сокровенном.

Естественно, большинство на выставке — москвичи. А памятник всесоюзного значения. Поэтому жюри озабочено: как сделать, чтобы жители других городов, отдаленных поселков тоже были бы вовлечены в размышление? Показать по телевидению? Минута на экспонат! Больше пяти часов трансляции. Проблема...

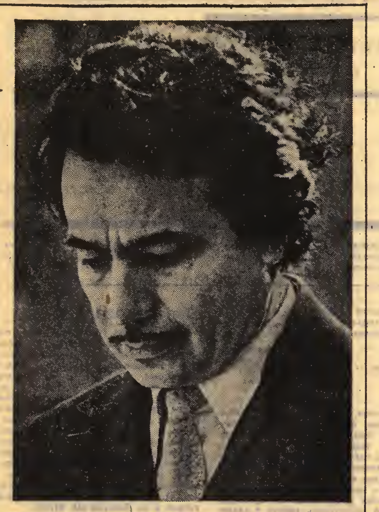
Одна из задач жюри — освоить весь критический потенциал листков, которые сыплются в ящик у выхода. Изучено уже свыше пяти тысяч отзывов. Как они повлияют на мнение жюри?

Судьи, как им и положено, пока хранят молчание.

М. ПОДГОРОДНИКОВ

Думитру МАТКОВСКИ

Почему подчас с такой легкостью уступаем мы свои позиции — нравственные, творческие, гражданские? Не потому ли, что привыкли к удобной пассивности?

НАРУШИТЕЛЬ в заказнике

БЫЛА МНЕ удивительный сон. Будто лес вокруг родного села чудесным образом превратился в заказник, а я, о том не ведая, в одно прекрасное утро забрался на верхушку старого дуба подышать свежим воздухом. Воздух был не просто свежий, а прямо-таки целебный, и я радовался, что мои нервы, еще вчера натянутые, как струны, начали успокаиваться. Я даже решил остаться на дереве до конца моих дней, как вдруг услышал повелительный голос лесника: «Слезай, браток, не то дробью всыплю!»

Я не хотел спускаться — не совсем же он дурак палить в живого человека! — но он именно выпалил, но попал не в меня, а в какую-то птицу, как раз вернувшуюся из жарких стран. «Слазь! — рявкнул он, наливаясь кровью. — Имей в виду, у меня двустволка!» На этот раз я заупрямился из принципа, и он стрельнул снова, и снова угодил не в меня, а в пролетную пташку. «Все! Рублю дерево!» — проскрежетал он и, не успел я глазом моргнуть, молодецки схватился за топор. Полетели щепки, раздался болезненный стон, и дуб повалился к ногам лесника. Быть бы там и мне, но я успел ухватиться за балку, проложенную поперек небосвода. Болтаюсь, как маятник, — и дышу. А воздух чистый...

Смотрел я этот сон и никак не мог понять, что снится мне мое собственное стихотворение, которое ни одна газета, ни один наш журнал не пожелали в свое время напечатать. Трудно сказать почему, но стихи «не пошли», и теперь, в этом ночном видении, в них что-то сместилось, и уж не знаю как, но я был одновременно и нарушителем, и лесником. В меня стрелял я сам. Я был, если можно так сказать, и целью, и средством достижения цели, и нарушителем, и охранителем, и, желая быть исправным охранителем, я целился в себя и уничтожал...

Я часто задумываюсь над этой странной связью. Мы сплошь и рядом, желая сохранить то, что кажется нам жизненно важным, самим способом охраны, средством покушаемся на цель, на то, что стремились сберечь для себя и для потомков. Почему это происходит?

Сотни этих «почему» мучают меня. Вспоминаю людей и поступки, которым не могу найти объяснения; они преследуют меня, как навязчивые страхи. Одна не дающая мне покоя история связана с тем,

Как выгоняли черта

Много лет назад я слышал разговор между посаженой матерью и ее крестником. Он, рассказывали, побил жену, и посаженая, прослышав от людей об этом безобразии, призвала его к ответу. «За что?» — в упор спросила она, едва он вошел в ворота. «Я не бил, — хмуро ответил он. — Так, маленько смазал по губам, чтобы черта выгнать». Глаза его вдруг наполнились слезами, и он, не простясь, ушел. Я было сунулся с миротворством, посаженая задумчиво поглядела на меня и вздохнула: «Бог их знает, кто виноват. У него золотые руки, и трудится он, прости за выражение, как вол. А она пьет — аж дым идет. Ты знаешь, что такое пьяная баба? Раньше их не бывало. А теперь появились».

Вот их история. Женились по любви. Построились, родили двух мальчиков и девочку. Это было в начале пятидесятых. Жилось трудно, но все-таки жилось. Постепенно становилось легче, но именно тогда женщина начала прикладываться к стакану. И доприкладывалась. Дети росли, как бурьян, муж вкалывал на работе, и дом без хозяйских рук уже никого не грел. Попробовал муж поколачивать жену, но без пользы: она упорно продавала из дома посуду, одежду и пила, пила без просыпу.

Тогда муж бросил семью. Перебрался к другой женщине и начал все сначала. Построил новый дом, красивее и прочнее прежнего. За делами забыл о детях. Мать совершенно потеряла человеческий облик, дочка из-за нее обгорела на печи, младший сын до смерти избил соседа и, естественно, попал куда следует, первенец же, вернувшийся из армии бравым парнем, скоропалительно спился — и умер. Покойника понесли к могиле мимо нового отцовского дома, но отец даже на дорогу не вышел проститься с сыном. «На крыше, говоришь, был? — спрашивала потом посаженая. — Так надо было спуститься! Если ты не собака, а человек!»

Вскоре умерла и первая жена. Ее схоронила соседка-собутыльница, а он снова не вышел попро-

мы нынче боремся. Приказ есть приказ, но до чего же мне жаль пьесы!

Опять — странный казус! Цель благородная — борьба с пьянством, но, убирая таких аристидов со сцены (и из литературы), не вычеркивают ли из жизни явление, которое, может быть, и пострашнее пьянства? Целясь в одно, не уничтожаем ли другое? Помнится, в «Маленьком принце» король задумался: «Если я прикажу какому-нибудь генералу порхать бабочкой с цветка на цветок, или сочинить трагедию, или обернуться морской чайкой и генерал не выполнит приказа, кто будет в этом виноват: он или я?»

...Что-то произошло с нами за последние двадцать — тридцать лет, что-то очень серьезное. Начали терять душу. Происходило это незаметно. Жизнь как будто менялась к лучшему, особых забот не испытывали, жили только сегодняшним днем, спеша забыть о вчерашнем и забывая думать о завтрашнем.

Что-то странное случилось и с моими соплеменниками: были щедрыми, жалостливыми, добрыми, а теперь — многие из них сами по себе и сами для себя. Теперь они поштучно считают гроздья на виноградных кустах и радуются, что осенью можно будет сделать много вина. Однажды я слышал, как щеголял человек перед знакомым: «Свадьбу дочке закатили неслыханную. Жена навертела девятьсот голубцов, ей-богу, а гостей было полтыщи, почти по два голубца на душу. И по паре котлет, представляешь? Ну, правда, и собрали... Тридцать тысяч как одна копеечка! Я при всех вручил детям, пусть не знают нужды, как узнал ее я, когда женился!» Я впервые встретил молдаванина, который считал голубцы и котлеты на тарелках гостей. И я сказал себе, что дело неладно, перегнули мы что-то с благородной целью — с материальным благосостоянием, не превратиться бы в кулаков, и если дальше пойдет в этом духе, то не сегодня-завтра молдавская литература потеряет село, как почти уже потеряла город. И тогда возникнет вопрос:

Для кого мы пишем?

В эссе Б. П. Хашдеу об известном политическом деятеле Милеску Спафарии я встретил поразительный эпизод: в 70-х годах XVII века Артамон Матвеев, ведавший Посольским приказом, при возведении дома столкнулся, говоря по-нашему, с дефицитом строительного камня. Тогда услужливые приближенные решили снять с погоста могильные плиты. Они могли позволить себе святотатство... С тех пор миновало три столетия, бояр давно не стало, но аналогичные истории у нас случаются. Они происходят в дальних селах, где стройматериалов днем с огнем не сыскать, а люди, как и всюду, хотят воздвигнуть высокие дома, чуть ли не чертоги, уставить их зеркалами, увесить коврами — лишь бы утереть нос соседу. Но хозяева зеркальных дворцов ничего не читают, они подписаны на одну-единственную газету, и то по разнарядке, гуртом, через бухгалтерию колхоза или совхоза. Единственный источник информации — телевизор, но и его смотреть некогда: ложатся с курами, встают с петухами. Даже у медиков и учителей почти нет личных библиотек! Да и к чему библиотеки, если мысли все равно другим заняты! Один учитель хвастался: «Я за лето продал на полторы тысячи помидоров, веришь? А это моя годовая зарплата, веришь?» Почему-то ему нужно было, чтобы я верил.

Я говорю, конечно, об отдельных педагогах и врачах, хотя в Молдавии этих «отдельных» довольно много. Есть у нас, к счастью, и настоящие учителя, их немало, и я рад, что они настоящие, что не поддаются меркантильным соблазнам, что читают книги, посещают театры, пишут письма литераторам, приглашают на встречи со школьниками, борются изо всех сил за душу ребенка, которого иные родители год за годом упорно отвращали от книг, считая школу вообще пятым колесом в телеге...

Да, как ни печально сознавать, но мы, молдавские литераторы, почти потеряли своего городского читателя и, кажется, теперь теряем и сельского. Если окинуть взглядом молдавскую литературу двух последних десятилетий, мы не так уж много найдем в ней произведений действительно интересных. Писали много, но — обо всем и ни о чем. Значительная часть нашей продукции устаревает, едва родившись: книга, вчера попавшая в магазин, сегодня продается в нагрузку. Странно ли, что журнал «Нист-

шилось мощное землетрясение, второе за последние девять лет. За полночь люди поспешно покинули дома и с детьми на руках высыпали на улицы. Шел дождь, погасло электричество, укрыться было негде. Кто-то пошутил: «Гром гремит, земля трясется, поп на курице несется...» Засмеялись. Могло быть и хуже.

На следующий день о случившемся сообщила программа «Время». Подземные толчки докатились и до Москвы, в столице они не превысили трех баллов. Конечно, москвичам трудно было представить, каков он — разгул подземной стихии. И когда корреспондент ЦТ брал у некоторых из них интервью, они радостно улыбались и, слава богу, были в отличном настроении. Однако почему вопрос о самочувствии задавали москвичам? Почему не спросили и молдаван? Боялись, что мы не будем улыбаться?

По официальным данным, приведенным в специальном постановлении ЦК Компартии Молдавии и Совмина республики, у нас «серьезно повреждены свыше 55 тысяч жилых домов, сотни школ, дошкольных учреждений, объектов здравоохранения, торговли и сферы услуг... свыше 12,5 тысячи человек лишились крова и нуждаются в переселении...». Так ради какой серьезной цели понадобилось в тот день скрывать картину несчастья за розовым паром?

Или возьмем пьянство, которому вроде бы и на деле, и на словах объявили бой. Но ведь кто не знает, что в иных селах как пили, так и пьют. Нельзя в буфете? Нельзя в кафе? Так можно дома: у дяди

Что же он имел в виду?

Герой моей пьесы, истомившийся от долгого осеннего дождя, размывшего землю, действительно говорит: «Паскудный дождь!» Слова эти никому не адресованы и скорее похожи на вздох, чем на брань. Но вот пожилой человек, ровесник моего героя, увидел в них, может быть, главный изъян пьесы. Почему?

Дожди в Молдавии были и, наверное, всегда будут одной из величайших человеческих радостей. Они нерегулярны, бывает, месяцами не прольется ни капли, и тогда каждый молдаванин болезненно переживает «великую сушь», сливаясь в одном дыхании, в одной скорби с землей.

Есть древний молдавский танец папаруды: в засуху женщины и девушки, обернув тело только пучками зеленой травы, выбегают на дорогу, в поле и, танцуя, призывают дождь. Существовал, стало быть, культ дождя, рожденный тем, что не реже раза в полвека, а то и чаще, Молдавию посещает беспощадная, изнурительная засуха, сеющая вокруг черную смерть подобно самым опустошительным войнам. Я считаю себя относительно молодым, но в детстве пришлось и мне пережить эту трагедию, и ужас ее я помню хорошо. Вот почему упрек седого крестьянина был для меня столь чувствительным.

Помню, как в сорок седьмом погиб от голода мой товарищ по играм. Помню двух сестер, одну пятнадцати, другую двенадцати лет, оставшихся сперва без матери, а потом и без отца. Чужие невестки...

литература решала проблемы коллективизации. Многое из того, что писалось, страдало двумя основными пороками — несовпадением с реальной жизнью и, во-вторых, создавалось по одной колодке. Правда, колодка была великая, но — заемная. В соответствии с нею выискивались по нашим селам (и не только в литературе) кулаки, подкулачники, середняки и т. п. После засухи прошло года два — откуда им было взяться? Поэмы, новеллы, пьесы — литературу захлестнула волна имитации. Плохо то, что все эти поделки срочно ввели в школьную программу. Еще хуже то, что они там красуются и поныне.

Без коренного пересмотра устаревших позиций мы не сможем двигаться дальше — это очевидно сегодня для всех. Каким же образом могло случиться, что то, чему предстояло стать событием нашей литературной жизни — последний съезд писателей республики, — не оправдало наших надежд: надежд на очищение, на перестройку в литературном цехе, значит, в делах каждого из нас.

И хотя с трибуны съезда звучали правдивые голоса, но как-то под сурдинку, да и те за пределами зала не были услышаны. Стоит ли удивляться, что на следующий день Молдавское телеграфное агентство представило читателям республиканских газет выдающийся образчик искажения и умолчания фактов под шапкой «Следовать правде жизни»? Можно ли столь высокой цели, как уважение к правде жизни, добиться столь сомнительными средствами? К счастью, отчет о нашем съезде дала «ЛГ», развенчав эту прелестную пастораль. Так

Что же мешает нам въехать на гору?

Помню себя мальцом в телеге, запряженной двумя лошадками. Тащились мы, тащились на холм — и на полпути стали. Мало того — телегу потянуло назад, под гору. Ездовой, дед Ион, взялся было за кнут — не помогло. И тогда он резко натянул вожжи: «Тпрру, болячки! Куда вас несет? Дайте дух перевести, я с ходу в гору не выберусь!» Я поглядел на него с удивлением: «Дед, зачем же их останавливать, если они и так не шибко землю роют?» Он усмехнулся, как умеют только старики: «Это верно, что не роют. Но пусть они не думают, что остановились по своей охоте».

Дед Ион был мудрым хозяином, и он помнил главную цель: въехать на гору. Тактика деда Иона оправдала себя — кони отдохнули, и мы спокойно поднялись в гору...

Теперь осовременим аналогию. Когда идет речь о простом водителе, любой профессионал может быть с ним на равных: «Слезь-ка, браток, я попробую». И если упрямец не уступит, то рискует остаться в одиночестве посреди дороги. Профессионал, заняв место за рулем и вытащив машину из колдобины, преподаст ему таким образом предметный урок. Но когда речь идет не о водителе, а о руководителе, все невероятно усложняется: ведь он нипочем не уступит место добровольно. Приказом его назначили, приказом и освободят. Как-никак он руководит коллективом, а не самосвалом и не позволит, чтобы ему давали уроки. У него самолюбие и абсолютная уверенность в своей непогрешимости, хотя очень может быть, что в деле, которым руководит, он человек случайный. Я не встречал еще ни одного начальника, который не считал бы себя достойным своего поста. Напротив, все как один претендуют на повышение.

Обобщать, конечно, не следует, но все же я хочу обобщить собственные наблюдения — писательские, скажем так. Создается впечатление, будто в нашей республике некоторые важные посты, особенно связанные с культурой, занимают люди, которым «права вождения» вручены без серьезного экзамена. Некоторые из этих руководителей в молодости были довольно посредственными студентами. С грехом пополам перебирались они с курса на курс исторического или филологического факультета, волоча за собой «хвосты» даже по ведущим дисциплинам. Может, с тех пор они выросли? Возможно. Но не настолько же, чтобы прыгнуть выше собственного лба! Способности у них остались прежние, зато гонору прибавилось.

Бывает, на каком-нибудь собрании обнаруживаешь такого в президиуме и удивляешься: «Надо ж, пять лет проучился рядом и не знал, что его зовут Ива-

никого не грел. Попробовал муж поколачивать жену, но без пользы: она упорно продавала из дома посуду, одежду и пила, пила без просыпу.

Тогда муж бросил семью. Перебрался к другой женщине и начал все сначала. Построил новый дом, красивее и прочнее прежнего. За делами забыл о детях. Мать совершенно потеряла человеческий облик, дочка из-за нее обгорела на печи, младший сын до смерти избил соседа и, естественно, попал куда следует, первенец же, вернувшийся из армии бравым парнем, скоропалительно спился — и умер. Покойника понесли к могиле мимо нового отцовского дома, но отец даже на дорогу не вышел проститься с сыном. «На крыше, говоришь, был? — спрашивала потом посаженая. — Так надо было спуститься! Если ты не собака, а человек!»

Вскоре умерла и первая жена. Ее схоронила соседка-собутыльница, а он снова не вышел попрощаться. В ушах у меня и сегодня звучат его слова: «Не бил. Так, маленько смазал по губам, чтобы черта выгнать...» Того черта он не выгнал. Но, думаю я, не поселил ли он второго черта в своей собственной душе? Ведь только человек, одержимый нечистой силой, говоря по старинке, мог поступить так, как поступил он. Но, скажут мне, он ведь вполне нормален, у него руки золотые... Какой толк, отвечу я, в золотых руках, если душа человека не знает законов совести? Может ли нормально жить такая душа?

...Знавал я еще одного человека, тоже с «золотыми руками». Я назвал его в книге Аристидом. Он ловил диких голубей удочкой. Цеплял к леске по два десятка крючков, насаживая на них вымоченные в воде пшеничные зерна. Голуби клевали зерна и заглатывали крючки. Они бились, как рыбы на суше. Аристиду очень нравилось. Он снимал их с крючков, рубил головы и варил бульон: он где-то слышал, что голубиный бульон — самая диетическая еда. В диете он не нуждался, но бульон хлебал.

Его судили за зверское избиение сына: мальчик не дал ему надругаться над сестрой.

Отсидел, но вернулся таким же, как был. Только с галстуком. И сказал соседу, свидетельствовавшему против него на суде: «Ты меня засадил и думал, что мы уже не встретимся? Так вот посмотри: у меня на шее не веревка, а галстук. И я вернулся с тобой поздороваться. Дрожишь? Так и будешь дрожать, пока не сдохнешь». Спустя пару месяцев дом соседа загорелся, отчего — так и не дознались. А Аристид уехал — мир велик, устроиться не проблема, ведь у него руки золотые, он мастерит отличные бочки и, конечно, выгодно их продает...

Протащить его в литературу поначалу оказалось сложно. «Поймите, — толковали мне литэксперты, — молдавская литература не знает таких типов! Ведь один такой негодяй затмевает сотню положительных героев!» Потом я вставил этого мерзавца в пьесу, которая лет десять не сходила со сцены нашего театра. Но нынешней весной пришел приказ пересмотреть ее: Аристид в спектакле пьет, как и положено такой скотине, без ведра вина ему на сцене делать нечего, а с пьянством их немало, и я рад, что они настоящие, что не поддаются меркантильным соблазнам, что читают книги, посещают театры, пишут письма литераторам, приглашают на встречи со школьниками, борются изо всех сил за душу ребенка, которого иные родители год за годом упорно отвращали от книг, считая школу вообще пятым колесом в телеге...

Да, как ни печально сознавать, но мы, молдавские литераторы, почти потеряли своего городского читателя и, кажется, теперь теряем и сельского. Если окинуть взглядом молдавскую литературу двух последних десятилетий, мы не так уж много найдем в ней произведений действительно интересных. Писали много, но — обо всем и ни о чем. Значительная часть нашей продукции устаревает, едва родившись: книга, вчера попавшая в магазин, сегодня продается в нагрузку. Странно ли, что журнал «Нистру», последовательно публикующий почти все, что у нас пишется, дошел до тиража... 3600 экземпляров! Редактор, конечно, может оправдываться: «Журнал делаю не я, а вы, писатели. Имеете, что заслужили». Вероятно, заслужили. Но редактор лукавит, он умалчивает о том, чего не печатает. Кроме того, положа руку на сердце, признаем, что практика печатания так называемых «журнальных вариантов» романа сомнительна, ибо используется чаще для срезания острых углов, приглаживания текста, что, по мнению редакторов, должно охранить читательские души от ненужных переживаний.

Что же получается на деле? На деле журнал скоро вообще останется без читательских душ, а читательские души — без литературы.

Время теперь другое, давайте отвечать по совести. Это раньше можно было писать для Ивана Ивановича или Георге Георгиевича в надежде на лавры, теперь всем и каждому нужно писать для читателя. Но читателям — подлинным читателям — нужны книги, написанные сердцем, искренне, талантливо и главное — о наболевшем. Что можем мы им предложить? Написал ли кто, например, о табаководстве? А ведь каждый из нас хорошо знает, что табак оккупирует наши лучшие земли, вытесняет бахчи и виноградники. Однажды некий властный голос запретил касаться этой темы. Мы и рады: не касаемся. Тем более, что табак — культура прибыльная. Цель, опять-таки, серьезная... А люди нам не нужны?

Разве допустимо, что в Молдавии рядом с матерями на уборке табака работают и дети? Есть, конечно, есть запрещающая инструкция, но кому до нее дело? Летом в уборку дети ломают «ароматные листья», дети нанизывают их на суровые нити, распределяют по сортам, разглаживают, увязывают в кипы. Трудно даются денежки на табаке, а заработать кому не хочется! И что спрашивать с руководителей хозяйств, у них план, у них каждая пара рук на вес золота. Конечно, когда мимо правления едут в поле машины, полные детей, они закрывают глаза. И медики тоже. И мы, литераторы. Мол, зачем нам лишние волнения?

Ох, как мы не любим лишних волнений! И, между прочим, не только в Молдавии. Вот например: в ночь на 31 августа 1986 года на Молдавию обру-

[...] респондент ЦТ брал у некоторых из них интервью, они радостно улыбались и, слава богу, были в отличном настроении. Однако почему вопрос о самочувствии задавали москвичам? Почему не спросили и молдаван? Боялись, что мы не будем улыбаться?

По официальным данным, приведенным в специальном постановлении ЦК Компартии Молдавии и Совмина республики, у нас «серьезно повреждены свыше 55 тысяч жилых домов, сотни школ, дошкольных учреждений, объектов здравоохранения, торговли и сферы услуг... свыше 12,5 тысячи человек лишились крова и нуждаются в переселении...». Так ради какой серьезной цели понадобилось в тот день скрывать картину несчастья за розовым паром?

Или возьмем пьянство, которому вроде бы и на деле, и на словах объявили бой. Но ведь кто не знает, что в иных селах как пили, так и пьют. Нельзя в буфете? Нельзя в кафе? Так можно дома: у дяди Георге, у папаши Пинтилие, у кума Василе — у всех троих есть вино на продажу. Торгуют в потемках, за двойную, а то и тройную цену. Покупатели просачиваются отовсюду, издалека, даже из райцентра, даже из начальства, даже из милиции. Я не люблю слово «саботаж», но скажите, какое другое произнести? Как иначе назвать и эту «борьбу с пьянством», и то, как поступаем мы, литераторы, когда обходим деликатным молчанием столь важные для нас всех, главные темы? Мы саботируем. И саботируем потому, что, как и тайно покупающие вино районные руководители, как и другие руководители, не видящие дальше своего стола, мы тоже никак не привыкнем, не умеем быть хозяевами в своем доме. Зато с удовольствием объясняем молодым, как надо писать — так, как сами, наверное, уже не сумеем.

Правда, советы эти тоже бывают разными. Один из моих собратьев по перу не упускает случая, чтобы не «послать» начинающих писателей на Северный полюс, на Сахалин, на БАМ: только в движении, утверждает он, рождается литература. Однако многие из дающих такие советы побывали чуть ли не в космосе, но, кроме стерильных путевых заметок, ничего путного не привезли. Мне думается, не потому у нас мало выдающихся произведений, что молдавские писатели еще не побывали Там или Сям — уж где только не побывали в свое удовольствие и на казенные деньги! — а потому, что им не хватает гражданской смелости, которая, смею напомнить, является неотъемлемой частью таланта, дара божьего, как говорили в старину.

А теперь давайте

Поговорим о дожде

В театре шла моя пьеса «Отец». Однажды после спектакля ко мне подошел пожилой человек, явно приехавший из села, и осторожно спросил: «Вы молдаванин?» «Молдаванин, — ответил я. — Из крестьян даже. Разве по мне не видно?» Он несмело улыбнулся: «Видно, но... Но если вы молдаванин, то почему ругаете дождь?» Похлопал меня по плечу, чтобы не обидеть, и исчез.

[...] в одной скорби с землей.

Есть древний молдавский танец папаруды: в засуху женщины и девушки, обернув тело только пучками зеленой травы, выбегают на дорогу, в поле и, танцуя, призывают дождь. Существовал, стало быть, культ дождя, рожденный тем, что не реже раза в полвека, а то и чаще, Молдавию посещает беспощадная, изнурительная засуха, сеющая вокруг черную смерть подобно самым опустошительным войнам. Я считаю себя относительно молодым, но в детстве пришлось и мне пережить эту трагедию, и ужас ее я помню хорошо. Вот почему упрек седого крестьянина был для меня столь чувствительным.

Помню, как в сорок седьмом погиб от голода мой товарищ по играм. Помню двух сестер, одну пятнадцати, другую двенадцати лет, оставшихся сперва без матери, а потом и без отца. Чужие невзгоды мало кого интересовали в ту пору, а девочки, истощенные, худые, не в состоянии были сами вырыть могилу в спекшейся, твердой, как камень, земле. Обратились к соседу, другому, третьему. Четвертый наконец согласился — за ковер, который мать оставила им в приданое. Он выкопал яму, и они, выбиваясь из сил, понесли тело отца на кладбище. Вернее, не понесли, а поволокли, уложив его на циновку. Когда добрались, могила уже была занята: кто-то опередил их.

Чем этот сюжет слабее шекспировских?

Бедствие сорок седьмого года имело объективные причины: засуха нагрянула сразу после войны. Молдавия лежала в руинах, люди жили врозь, каждый за себя. Но была причина и субъективная: тогдашнее руководство республики пыталось выполнить госпоставки любой ценой. Страна не знала, что происходило в Молдавии. А когда узнала, поспешила на помощь.

С тех пор прошло почти сорок лет. За это время многое изменилось. О войне наши дети знают по кинофильмам, книгам. Но нет ни одной книги об этой страшной послевоенной засухе. Но разве уроки истории предназначены не им, нашим наследникам?

История не является ничьей собственностью, так же как патриотизм не может быть чьей-либо привилегией. Каждый любит родину так, как может только он, и никто другой. Но трагедия как жанр давно исчезла из молдавской литературы, и, я думаю, это не случайно. Было время — считалось, что в нашей действительности трагедии не место, что трагедия для нас нетипична, что надо уметь видеть вещи в исторической перспективе, как бы застилающей все жестокое, трагическое. Но жизнь не только радость. Боль — тоже жизнь, вечная в своей непостижимой сложности.

...Но я говорил о дожде.

После засухи сорок седьмого навалилась на нас физически не столь свирепая, но не менее опасная засуха — духовная. И длилась она не год и не два. Последствия ее были тяжелы: она опустошала человеческие души и тем самым покушалась на наш социалистический образ жизни. В ту пору молдавская

[...] обобщить сопоставленные наблюдения — писательские, скажем так. Создается впечатление, будто в нашей республике некоторые важные посты, особенно связанные с культурой, занимают люди, которым «права вождения» вручены без серьезного экзамена. Некоторые из этих руководителей в молодости были довольно посредственными студентами. С грехом пополам перебирались они с курса на курс исторического или филологического факультета, волоча за собой «хвосты» даже по ведущим дисциплинам. Может, с тех пор они выросли? Возможно. Но не настолько же, чтобы прыгнуть выше собственного лба! Способности у них остались прежние, зато гонору прибавилось.

Бывает, на каком-нибудь собрании обнаруживаешь такого в президиуме и удивляешься: «Надо ж, пять лет проучился рядом и не знал, что его зовут Иваном Филаретовичем!» А он уже поднимается на трибуну, солидно прокашливается и начинает: «Интересы нашей литературы требуют...» И приходится не только выслушивать, но и считаться с его директивами, потому что говорит не Иван, а трибуна, на коей он столь вальяжно блистает. А выступление-то, между прочим, написали подчиненные. Из таких выступлений худо-бедно составляется вскоре кандидатская, которую, будьте уверены, он защитит. А там, глядишь, и на докторскую замахнется. Так что в случае чего он всегда спрячется за ученую степень и займет теплое местечко на кафедре, чтобы внушать теперь уже студентам: «Интересы литературы требуют...»

Стоит ли говорить, что, критикуя других, сам Иван Филаретович совершенно нетерпим к критике. Да никогда он ее не допустит! «Товарищи! — возглашает он. — Не будем заниматься критиканством... Давайте говорить спокойно, взвешенно»...

Да, кадры решают многое. Перестройка снова поставила вопрос о кадрах в повестку дня. И как земле, чтобы она плодоносила, нужен дождь, так необходимы нам чистые, с чистыми руками кадры, способные создать условия для подлинного расцвета нашей культуры. Именно об этом ясно и четко сказано на недавнем Пленуме ЦК КПСС.

* * *

Возвращаясь время от времени мыслями к своему старому стихотворению, я снова и снова спрашиваю себя: почему мы, желая сохранить то, что нам кажется жизненно важным, нередко выбираем средство, которое посягает на цель, на то, что мы так стремились сберечь — для себя и для потомков? Почему подчас с такой легкостью, почти без сопротивления, уступаем мы свои позиции — нравственные, творческие, гражданские? Не потому ли, что привыкли к удобной пассивности, что роль «нарушителя в заказнике» не всегда разыгрывалась по правилам романтической пьесы? Но я оптимист — я верю, что нам хватит силы и смелости исправить ошибки прошлого, и зрелости, чтобы не сделать новых. Я оптимист — я верю в глубинные резервы человеческой души, в ее способность к обновлению.

Перевел с молдавского А. БРОДСКИЙ

Олег ВОЛКОВ

Еще раз о судьбе Сухаревой башни

У МОСКВИЧЕЙ множатся обиды на застройщиков города. Перечень претензий к ним велик: сносы старых домов, крупномасштабные перепланировки целых кварталов, удушение памятников в колодцах многоэтажных зданий, прорубание новых магистралей в центре... Но это тема специального разговора.

Сегодня речь поведу лишь об одном — о Сухаревой башне.

Коллективное письмо деятелей культуры («ЛГ», 21 мая 1980 г.) не осталось без внимания общественности. Архитекторы ответили делом и взялись за разработки.

В прессе был широко освещен проект восстановления, сделанный четыре года назад П. М. Рагулиным и П. М. Мягковым, которые предлагали поставить башню в сквере напротив Института имени Склифосовского. Проект получил беспрецедентное количество положительных отзывов как массового читателя, так и видных специалистов. Подкупала прежде всего простота найденного решения, его осуществление не требовало никаких сносов, безболезненно разрешало ряд градостроительных и транспортных задач. Казалось, дело может пойти далее без задержек и препятствий, тем более что проектом заинтересовалось Министерство морского флота: оно брало на себя, при содействии Военно-Морского Флота СССР, функции застройщика, снабжение и финансирование работ.

Однако руководство ГлавАПУ в лице Г. В. Макаревича задержало рассмотрение вопроса на целый год, отмахнулось от прямого указания Мосгорисполкома обсудить вопрос на градостроительном совете, прибегло к тактике проволочек. И только в апреле 1986 года, когда тянуть более уже было нельзя, объявило конкурс на архитектурно-планировочное решение Колхозной площади.

Поскольку существуют лишь два участка на Колхозной площади, где может быть воздвигнута башня — на старом месте или в сквере против Института имени Склифосовского, — сама идея конкурса выглядела по меньшей мере странной. Любой специалист, знакомый с ситуацией на площади с ее двумя памятниками архитектуры — церковью Троицы в Листах XVII века и Странноприимным домом Кваренги, — в состоянии дать вполне удовлетворительный ответ без всякого конкурса. Тем более что при рассмотрении этих двух вариантов даже «невооруженным глазом» выбор предрешается сам собой. Идея восстановить башню на старом месте ложна. По прикидке экспертов, одно только устройство транспортной развязки на пересечении Сретенки с Садовым кольцом потребовало бы фантастической суммы в полтораста миллионов рублей. Понадобились бы и сносы домов по обе стороны проспекта Мира, в том числе и принадлежащих ансамблю Института имени Склифосовского. Нельзя упускать из виду и изменившуюся со времени возведения Сухаревой башни градостроительную ситуацию: там, где она когда-то встала смелой доминантой над одно- и двухэтажными домами, ныне громоздятся многоэтажные здания. Отнесение башни несколько в сторону от трассы Садового кольца естественно и закономерно. Зато сама площадь, какой она видится по проекту Рагулина — Мягкова, становится подлинным украшением столицы.

Но как бы то ни было, конкурс был объявлен, заказы разным организациям переданы, и в декабре прошлого года — с месячным опозданием — жюри вынесло решение. Проекту Рагулина—Мягкова была присуждена вторая премия, первую отдали проекту восстановления башни на старом фундаменте. Иными словами, предпочтение было оказано *заведомо мертворожденной затее*, поскольку реализация этого проекта сопряжена, как уже упоминалось, с осложнениями и астрономическими затратами.

Шила в мешке не утаишь. Прежняя Сухаревка после размещения в воссозданной башне музея Морского флота (чье трехсотлетие, исчисляемое с учреждения в ней первой в России «навигацкой школы», приходится на ближайшее десятилетие) должна была стать площадью Морской славы. Это не отвечает видам нынешнего руководства ГлавАПУ построить на площади детский универмаг; вот оно и ищет и, к сожалению, находит предлоги, чтобы помешать восстановлению башни! Решение жюри конкурса, председательство на котором возложил на себя Г. В. Макаревич, как нельзя лучше послужило этим видам, поскольку не оставляет надежды не только нынешним, но и следующим поколениям увидеть башню восстановленной...

А жаль! Не так уж часто столь счастливо складываются обстоятельства для того, чтобы могли быть исправлены ошибки прошлого, какой был снос башни в 1934 году. Ситуация позволяла не откладывая приняться за дело. Надуманными выглядели возражения начальника Управления госконтроля охраны и использования памятников истории и культуры А. А. Савина, ссылавшегося на нехватку белого камня и большемерного кирпича, на скудость кадров реставраторов. В современную практику восстановления (а то и полного возрождения) памятников архитектуры внедрены методы, позволяющие пользоваться обычными стандартными недефицитными материалами. И нет сомнения, что на такое дело, как воссоздание Сухаревой башни, откликнулись бы тысячи добровольцев, видящих в этом выполнение своего патриотического долга; кстати, и проект реставрации башни Рагулин и Мягков выполнили на добровольных началах.

Проект, осуществимый в ближайшие сроки!

Не поздно и сейчас результаты конкурса признать неимеющими силы.

ВНИМАНИЕ! ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ

Две эти статьи и письмо читателя не случайно сошлись на одной газетной странице. Авторы, отталкиваясь от конкретных жизненных трагедий, независимо друг от друга приходят, по сути, к одному тревожному выводу: в непримиримой борьбе с алкоголизмом и наркоманией, которую ведет сейчас наше общество, есть еще немало «ничейных зон».

Самое опасное, что жертвами часто становятся дети, подростки из так называемых неблагополучных семей. И в таких крайних ситуациях не всегда, оказывается, уместен традиционный вопрос: а куда смотрели школа, милиция, общественность?

Сегодня перед нашим обществом встает в этой связи ряд неотложных задач, решения которых мы еще пока не знаем. Искать их, искать новые действенные способы по реальной защите детских душ нужно немедленно.

Мы надеемся на активную помощь читателей в обсуждении вопросов и предложений, высказанных в статьях Н. Дарьяловой, В. Голованова и в опубликованном письме.

Василий ГОЛОВАНОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

НИЧЕЙНАЯ ЗОНА?

Придется свыкнуться с мыслью о том, что это происходит в Москве, у нас под боком, почти на глазах. Чуть в стороне от мира наших повседневных забот...

ИХ МИР — это скамейка возле железной дороги, рельсы, загнанные в тупики вагоны, подвал-лабиринт, откуда их выкурили жильцы дома, и улицы — улицы Автозаводской и Кожухово, полные транспорта и прохожих — людей, проходящих мимо...

После уроков ребята приходили в подвал, включали магнитофон, играли в карты, а потом сбрасывались мелочью — у кого сколько было — и кто-то уходил за бутылкой. В бутылке была сильно пахнущая жидкость, ее наливали в целлофановый пакет и дышали парами. Не все, правда, дышали — кто-то просто смотрел, как у соседа стекленел взгляд. И так каждый день, и мама не знала, маму обмануть легко, достаточно сказать, что отсасывал бензин из мопеда и попало в рот, и этот запах...

В подвале собирались весной. А в первых числах сентября пятеро подростков попались на кражах из вагонов: воровали яблоки. Сейчас решается их судьба. Подняты архивы, опрошены свидетели, выявлены подробности. Сейчас всплыло все: другие кражи, подвал, «нюханье»... Выстроилась цепочка фактов — настолько логичная, что эту историю можно рассказывать в школах другим в назидание: жили-были ребята, с пятого класса начали ходить на железную дорогу и кататься на поездах, одному отрезало ноги, но они продолжали ходить на железную дорогу, где от нечего делать стали отцеплять вагоны, бить светофоры, воровать, что под руку подвернется, стали собираться в подвале и дышать химическими препаратами, и вот теперь пятеро сидят в отделении милиции и дают показания о своих кражонках, а четверо отлежали в психоневрологической больнице с диагнозом «токсикомания».

И все же, когда я познакомился с участниками этой истории, мне очень многое было неясно. Например, как сложилась компания? Среди воровавших — ухоженный, на юного Пьера Безухова похожий ...

...роге: разговорчив, самоуверен, волосы — по моде — крашены перекисью. Нюхал, «смотрел мультики». — «А еще чем занимался?» — «В футбол играли. Два часа проветришься — уже нормальный».

У него сейчас есть девушка. Она в положении, думает, делать ли аборт, Жене как будто все равно. Жил с матерью. ПТУ бросил, работу на заводе тоже — в общем, надо бы чем-то заняться, но пока неясно, чем...

И еще вопрос: почему «нюханье» началось именно сейчас? И почему именно среди подростков? (Первые подростки-токсикоманы доставлены в 15-ю психиатрическую больницу в 1979 году. Их число увеличивается, и, скажем, 1985 год дал по сравнению с 1984-м двукратный прирост.)

Можно считать доказанным, что существует связь между токсикоманией подростков и пьянством родителей. И здесь не только о пресловутой «педагогической запущенности» речь, но и о биологической неполноценности, недаром костяк компании — ребята из вспомогательной школы. Когда переступаешь ее порог, борьбу с пьянством начинаешь в ином свете воспринимать, глядя на эти лица, странной лепки головы, странного выражения глаза... «Потребность к знаниям снижена, интересы отсутствуют, эмоциональная тупость, ничего не боятся» — это, так сказать, педагогическая характеристика. У врачей-наркологов свои критерии неполноценности: дети пьяниц, начиная, в свою очередь, пить, не испытывают легкого эйфорического опьянения, оно сразу принимает амнезийные (то есть тяжелые, характерные для взрослых алкоголиков) формы. Отсюда желание заменить спиртное чем-то, что тоже давало бы «балдеж»...

В компании не было лидера, на тлетворное влияние которого можно было бы списать пагубное увлечение. Правда, фигурирует в материалах инспекции по делам несовершеннолетних Света П., сводная сестра проходящего по делу о кражах Алексеева, заядлая «нюхальщица», доставленная в клинику Склифосовского с сильным токсическим отравлением и переправленная в 15-ю психиатрическую больницу, откуда сбежала, спустившись по простыням с третьего этажа. Но среди ребят она занимала особое место: восемь классов вспомогательной школы — это три, по обычной шкале, плюс странная, психическая уже аномалия — считала себя парнем, представлялась Сашей Ивановым. Так вышло, что «неблагополучные» — не каждый по отдельности, а все вместе — стали «коллективным лидером» компании, ...

...те беседу». И так — по кругу, до первого грома.

И гром-таки раскатывается: «Одиннадцатого февраля 1986 года в 18 час. в отделение доставлены 13 подростков в состоянии токсического опьянения».

В отделении милиции спрашиваю: после того как попались, что происходит? В больницу их кладут? Отвечают: если примет больница.

Оказывается, подростков принимает только «пятнашка», да и то с пятнадцати лет. Младших устроить практически невозможно: больница № 6 (детская) находится в состоянии перманентного ремонта, кроме того, старается не принимать «трудный» контингент.

— Но ведь само по себе помещение в стационар не решает проблемы? — спрашиваю в клинике.

— Нет, конечно, — отвечают мне. — Тем более что сейчас больница выполняет скорее не медицинские функции, а функции отстойника: если к подростку нельзя применить правовые санкции или отправить в спецПТУ, его везут к нам, чтобы «пересидел» месяц-другой. Он пересидит — и возвращается в ту же среду, к тем же проблемам...

Милиции известно, где подростки берут химикаты. За последний год директору одного из московских заводов тов. Субачеву В. Г. трижды посылали «представления», в которых указывалось совершенно конкретно:

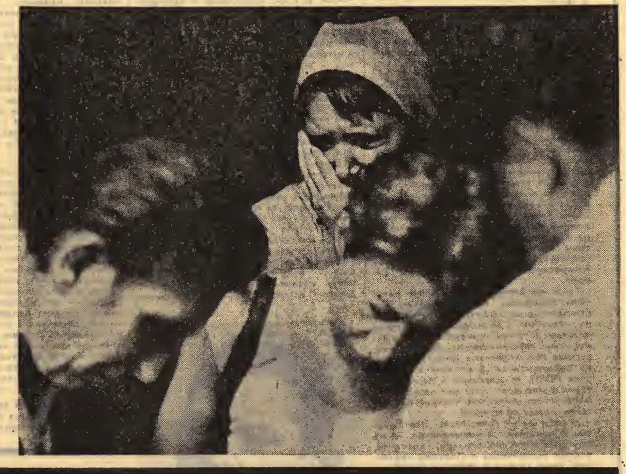
«...рабочие выносят на продажу химпрепараты и продают их подросткам по 1 р. за бутылку...»

«...на территорию завода свободно проходят подростки с целью приобретения химпрепаратов и берут их из мест хранения».

Тов. Субачев ни разу не сообщил о том, какие меры по охране приняты. Подозреваю, что никаких мер и не было...

Не было возбуждено уголовное дело против пойманного с поличным слесаря Карцева — в Уголовном кодексе нет статьи, предусматривающей наказание за деяния такого рода. Карцев отделался переводом на другую работу...

Инспекция обращалась за помощью к шефам — комсомольской организации управления конвейерных систем и лифтов ЗИЛа: шефы появились дважды, сверили планы работы, но никто из них ни разу не встретился ни с одним подростком... Обращались в Пролетарский РК ДОСААФ: «Помогите в организации досуга подростков» — безрезультатно. В райкоме комсомола встречали живейшее понима- ...

Горе горькое...
Фото В. СВАРЦЕВИЧА

Наталья ДАРЬЯЛОВА, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Пожар

ИЗ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: «В квартире № 11 дома № 11 по ул. Московской г. Пензы в 22 часа произошел пожар. В огне погибли пятеро детей. Судебно-медицинская экспертиза установила, что смерть детей Никишиных и Андрияновых наступила от отравления угарным газом и ожогов...»

...В тот вечер мать мальчиков Никишиных, Вера, уехала на всю ночь. Мать детей Андрияновых, Галина, бывшая в то время на пятом месяце беременности, со случайными собутыльниками отправилась к своей матери, бабке этих детей, выпивать — малыши, запертые в комнате, остались одни.

Нет, мы не застрахованы от стихийного бедствия. Но многие человеческие трагедии зреют постепенно, у всех на глазах. Гибель этих детей — не несчастный случай, а ужасная закономерность.

ТЯЖЕЛО мне было вторгаться в жизнь Галины Андрияновой — ведь у человека такое горе... Но она отнеслась к моим вопросам без всякого волнения, бесстрастно рассказывала:

— После училища я должна была отработать 2 года в СМУ, но работать не стала, сошлась с Владимиром. Ему было 17 лет. Через год родился сын Игорь. Владимир в общем-то не работал. Я тоже почти не работала. Свекровь часто выпивала. Моя мать приезжала и выпивала со свекровью. Друзья моего мужа приносили с собой водку. Я тоже выпивала.

Соседи рассказывают, что в этой комнате, где жили две семьи родственников (Владимир Андриянов с женой и четырьмя детьми и его сестра Вера Никишина с двумя ребятишками — 9 душ в одной комнате!), постоянно «веселились». Сюда приходили случайные люди, чтобы распить бутылку, а хозяев угощали «за постой». Из-за стены неслась брань, перемежаемая детским плачем. «Что ж вы в милицию не заявили?» — спросила я соседей. «Боялись. Да о них и без нас всем известно». Говорят спокойно, буднично.

В конце нашего тягостного разговора Галина Андриянова призналась: нередко в похмельных снах ее одолевало наваждение — казалось, что у нее нет лица. Проводит рукой — и не чует ни губ, ни глаз, а только прохладную кожу...

Все чаще бегала Галина в винный магазин, расположенный рядом с домом. По горькой иронии судьбы, называется этот магазин «Белый аист». Обычно родители рассказывают своим детям, что их принес аист. Каких детей мог принести этот «Белый аист»?

Галина рожала почти каждый год, и, конечно, больных детей. Пятилетняя Надя ростом была с двухлетнего ребенка, а голова большая, как у взрослой. Годовалый Толя даже на ногах не стоял.

Об их «воспитании» соседка Ивашева сказала мне: «Они там совсем ненужные были, эти ребята. Едва научившись говорить, начинали ругаться матом. Зайдешь днем — дети по полу ползают, а взрослые валяются пьяные, как мертвые».

...душой за детей, пришла, как обычно, проведать племянников. Она вспоминает:

— Голодные были. Я их накормила, уложила. Над Толиной коляской горел светильник. Галина всегда вешала на него какую-нибудь тряпку, чтоб свет Толе не мешал. Когда дети уснули, я собралась домой — ведь своих двое. Заперла дверь — и вдруг нехорошо на душе стало. Что тут запирать-то?

...сад старшая сестра Владимира Андриянова пыталась устроить его работать дворником) к инспектору по делам несовершеннолетних С. В. Ермоловой, просила обратить внимание... «Вот вырастут, — ответила С. В. Ермолова, — тогда и поставим их на учет». Не успели вырасти.

Знала больных детей Андрияновых участковый врач Корнилина. А в амбулаторных картах писала: «Состояние удовлетворительное». Не смогла я с ней поговорить — отбыла Корнилина в Москву, на постоянную работу.

Мастер участка ЖЭУ № 7 Аристова, обязанная осматривать квартиры раз в полгода, не была у Андрияновых года два. А может, три... «Противно туда заходить». И не было у нее иных чувств, кроме брезгливости. Хотя все, кто прикоснулся к этой трагедии, казалось, не могут не ощутить вины...

Вскоре после моего возвращения из командировки пришло известие: уголовное дело прекращено: экспертиза установила, что пожар произошел оттого, что лопнула в светильнике лампочка. А почему лопнула — выяснить уже невозможно. И вот, получается, никто не виноват в этой трагедии. Многие должностные лица в Пензе наверняка вздохнули с облегчением. Ведь бессердечие на скамью подсудимых не посадишь.

У НАС — так сложилось — многодетную семью принято считать благом. Но разве секрет, что в иных семьях дети рождаются отнюдь не от чадолюбия. И мы, нередко обманувшись вывеской многодетности, не знаем, что по утрам в семьях, где родители пьют, малыши умываются голодными слезами. А родителям даже лень их зарегистрировать и получить на них государственное пособие, даже лень отдать в ясли... Хуже того, бывает, таким родителям дети становятся удобным прикрытием в их беспутной жизни. Не будь у алкоголика-тунеядца детей, к нему скорей примут необходимые ...

жили-были ребята, с пятого класса начали ходить на железную дорогу и кататься на поездах, одному отрезало ноги, но они продолжали ходить на железную дорогу, где от нечего делать стали отцеплять вагоны, бить светофоры, воровать, что под руку подвернется, стали собираться в подвале и дышать химическими препаратами, и вот теперь пятеро сидят в отделении милиции и двют показвния о своих кражонках, а четверо отлежали в психоневрологической больнице с диагнозом «токсикомания».

И асе же, когда я познакомился с участниками зтой истории, мне очень многое было неясно. Например, как сложилась компания? Среди воровавших — ухоженный, на юного Пьера Безухова похожий Вова Кузнецов, сын хороших родителей, учащийса 9-го класса спецмвтематической школы, и семиклассник Сергей Алексеев — молчаливый, весь квкой-то мвленький, на девятилетнего мальчика похожий воспитанник вспомогательной школы для умственно отсталых детей. Что их свело?

«Трудные» компании всегда были, всегда хулиганили — бессмысленно, подчас жестоко. Но чтобы часами сидели, уткнувшись лицом в губку, смоченную какой-то дрянью, — не припомню что-то. А сейчвс — какой-то взрыв, как на станции «Скорой помощи» в душную инфарктную иочь — шквал сигналов. Дышат! Школа, ПТУ — мальчишки с несломавшимиса голосами, девчонки. У знакомого сын в школе: два брата, придурковатые второгодники, згоняют рвбят помладшв в телефонную будку, заставляют «дышать». Директор, молодой, только что принявший школу, просит: «Помогите!» Как помочь?

ТОКСИКОМАНИЯ — так правильно называется «нюханье» — свалилась как снег на голову. Про наркоманию читали, про наркоманию знаем, утешая себя тем, что иаркотики дороги и труднодоступны. А тут выяснилось, что опасность представляет обычная, копеечная, «бытовая химия».

Что такое токсикомания? Вместе с Евгением Иосифовичем Цымбалом, научным сотрудником отдела по изучению молекулярных механизмов наркомании Второго мединститута, пытаемся очертить границы проблемы. Итак, происхождение. «Традиция» идет из воспитательно-трудовых колоиий, где труд связан с деревообработкой. Механизм действия на нервную систему мало изучен. Известно, что продолжительное «нюханье» может вызывать красочныв галлюцинации. При передозировках возникают устрашающие видения, спасаясь от которых нюхальщик может, например, выпрыгнуть в окно. Последствия. В отличие от традиционных наркотикоа и алкоголя «химия» не дает похмелья и страшных героиновых «ломок», которые и алкоголиком, и наркоманом, независимо от их пристрастия, воспринимаются как грозные сигналы о настигшей их болезни. Здесь другое — «змоциональное привыкание», воспоминание о том, что «нюхать приятно». Быаают, правда, не обьясненные пока случаи внезапного и необратимого слабоумия, полного крушения личности, когда больной начинает прятаться в шкаф и сочинять любовные послания ближайшим родственникам. Бывают отравления со смертельным исходом — когда в подвале находят труп двенадцатилетнего паренька, на голове которого — застегнутая на «молнию» спортивная сумка с тряпкой, смоченной химическим веществом.

Сколько таких случаев, мы не знвем — нет данных, — но в принципе зто можно подсчитать. Увы, не выразишь статистически социальиых последствий токсикомании. Приходится говорить общо: она поставляет обществу инфантильные, социально неполноценные личности. Дышат-то часами (иногда вернувшись из школы — до самого вечера, пока не придет пора спать), добиваясь состояния, которое характерно именно для больной психики — шизофрении, белой горячки. Какие уж тут уроки, какое познание жизни!

В клинике разговорился с семнадцатилетним Женей К., близким знакомым ребят, которых задержали на железной до-

рует в материалах инспекции по делам несовершеннолетних Света П., саодная сестра проходащего по делу о кражах Алексевва, заядлая «нюхальщица», доставленная в клинику Склифосовского с сильным токсическим отравлением и переправленная в 15-ю психиатрическую больницу, откуда сбежала, спустившись по простыням с третьего атажа. Но среди ребят она занимала особое место: аосемь классов аспомогательной школы — ато три, по обычной шкале, плюс странная, психическая уже аномалия — считала себя парнем, представлялась Сашей Ивановым. Так вышло, что «неблагополучные» — не каждый по отдвльности, а асе вместе — стали «коллективным лидером» компании, задали программу деятельности остальным, в том числе и «благополучным». Тут и пошло катание на поездах, битье стекол, воровстао... Добираясь до корней проблемы, важно аыяснить, почему другие зту программу приняли. Может, потому, что саоей не было?

НО ВОТ я сижу а отделении милиции, смотрю на этих мальчишек, слушаю их ответы (строго говоря — показания) и пытаюсь представить себе, что будет с ними после всей зтой истории. Кто-то вывернется. Вот этот, из спецматематической школы, испугается, поймет, что далековато зашел, о карьере подумает. Ну, а что с Алексеевым будет — незаметным, но неизменным участником всех «железнодорожных похождений»? И с Вадимом П., семнадцатилетним красавцем, отлежавшим уже в «патнашке» за «нюханье» и там поднабравшимся нового опыта? Или с отсутствующим здесь Сергеем Авиловым, который за две недели до этого разговора убежал из дому, спасаясь от побоеа отца, а за неделю был прямо из школы доставлен «нанюхавшимся» в наркологический диспансер, где получил направление на лечение? Они что, обречены на крах? Одни — как потенциальные завсегдатаи наркоманического отделения, другие — как потенциальные преступники?

Если так, то нам недолго и до превентивного заключения договориться (и некоторые договариваются же!): если он «трудный», из нвблагополучной семьи, то давайте его заранее, пока он бед не натворил, в... как бы это помягче выразиться? — резервацию, что ли, или «трудовую коммуну» поместим, чтобы он не нюхал, а с пользой для общества...

Но возникает вопрос: дети в чем виноваты? Виноваты родители-пьяницы. Может, их тогда это... а резервацию? Но кто будет определять критерии, по которым «казнить» и «миловать»? Чтобы справиться с болезнью, общество само должно измениться а чем-то, отреагировать на боль.

Итак, сейчас мы столкнулись с иоаым аспектом проблемы «трудных» — токсикоманией. Что предпринато?

Впервые трвнспортная милиция задержала зтих ребят на железной дороге еще в 1983 году. О задержании сообщили по месту жительстаа, в 93-е отделение милиции, поставили иа учет. Что дальше? Допустим, задерживают подростка за мелкое хулиганство. Милиция сообщает в школу. Школа парирует: «Проведи-

дозреваю, что никаких мер и не было...

Не было возбуждено уголовное дело против пойманного с поличным слесвря Карцева — в Уголоаном кодексе нет статьи, предусматривающей наказание за деяния такого рода. Карцев отделался переводом нв другую работу...

Инспекция обращалась за помощью к шефам — комсомольской организации управления конвейерных систем и лифтов ЗИЛа: шефы появились дважды, сверили планы работы, но никто из них ни разу не встретился ни с одним подростком... Обращались в Пролетарский РК ДОСААФ: «Помогите а организации досуга подросткоа» — безрезультатно. В райкоме комсомола встречали живейшее понимание... и никакой конкретной помощи не дождались.

Мы столкнулись с серьезнейшей проблемой. Как учитывать зти вредоносные вещества, как хранить? Как привлекать к ответстаенности за их распространение? Квк лечить токсикомвнию? Где лечить токсикоманов-подростков? Как отвадить их от атого? И ни на одии из зтих вопросов мы не можем дать своевременный ответ, не анаем масштвбоа явления, не можем даже посадить мерзавца, который продавал подросткам отраву, — нет праа, «дырка» в законе. И получается, что к борьбе с этим явлением мы не готовы, что в руках у нас остается только одно средстао — та самая хорошо завуалироаанная система преаентивного заключения — изоляция в больнице и спецПТУ...

В борьбе с иаркоманией нет пока готовых рецептов. Но, наверно, стоит обратить внимание на опыт зарубежных стран, где а решении атой проблвмы наряду с государством принимают участие общественные организации (например, «Школьники и родители протиа иаркотикоа», «Учителя против наркотиков» и др.). Мне кажется, наркомания еще и потому прораставт в нашей среде, что в этом явлении мы скорее склонны усматриавть «зкзотический порок», чем одну из граией серьезной общественной проблемы. Передоверяя решение асех наболевших вопросов исполнительной власти, тем самым осложнявм борьбу — потому что и милиция, и здраaоохранение, строго говоря, имеют дело с конечным результатом, а начало так и оствется в «ничейной зоне» между семьей, школой и каким-нибудь заброшенным подвалом...

ФИНАЛ этой истории вполне логичен: пока материал готовился к печати, один из героев нашего повествования, семнадцатилетний Вадим П., после всех «разговоров» и покаяний а милиции совершил серию краж в детских садах: похищал мвдикаменты, необходимые для приготовления сильнодейстaующего нврkотика. В аозбуждении уголовного дела против него было отказано, судебно-медицинская зкспертиза пришла к заключению, что подросток «нуждается в усиленных медико-педагогических мерах воздействия».

Словно по иронии судьбы применение зтих мер снова возложено на психиатрическую больницу № 15, куда он в третий раз попал сразу после Нового года...

похмельных снах ее одолевало наваждение — казалось, что у нее нет лица. Проводит рукой — и не чует ни губ, ни глаз, а только прохладную кожу...

Все чаще бегала Галина в винный магазин, расположенный рядом с домом. По горькой иронии судьбы, называется этот магазин «Белый аист». Обычно родители рассказывают своим детям, что их принес аист. Каких детей мог принести этот «Белый аист»?

Галина рожала почти каждый год, и, конечно, больных детей. Пятилетняя Надя ростом была с двухлетнего ребенка, а голова большая, как у взрослой. Годовалый Толя даже на ногах не стоял.

Об их «воспитании» соседка Ивашева сказала мне: «Они там совсем ненужные были, эти ребята. Едва научившись говорить, начинали ругаться матом. Зайдешь днем — дети по полу ползают, а взрослые валяются пьяные, как мертвые».

Я была в колонии, говорила с отцом четырех погибших детей Владимиром Андрияновым. (Он был осужден незадолго до трагедии — за тунеядство.) Андриянов отнюдь не выглядел потрясвнным происшедшим. Разглвгольствовал: «Да, конечно, отец должен детей кормить, поить, в люди аыводить. Я понимаю, но вот так получилось. А а общем я неплохой отец».

Игорь, первенец, был а этой семье единственным здоровым ребенком. Год назад Владимир, пьяный, играя, нечаянно сбросил его с полатей, с двухметровой высоты, мальчик ударился головой об пол. Месяц пролежал а ревнимации.

Была а, разумеется, и в милиции. Вот что рассказал мне участковый Климасов: «Я без коица заставлял Андриянова работать. Но он, как мыло, выскальзывал из рук. Галина, вмвсто того чтобы мне помочь, мужа всегда выгораживала. Ставить аопрос о лишении родительских прав мы пока не собирались: двтей жалко было. Какие ии есть, а все-таки родители...».

А теперь о том, что породила зта жалость.

Прошлым летом случился первый пожар... Небольшой, как бы предупредительный. Судьба подавала людям тревожный знак. Но люди, жиаущие рядом, люди, чье амешвтельство могло бы остановить трагедию, не замвтили атого знакв.

Представитель пожарной охраны: «Мы после пераого пожара отключили квартиру от злектросети, так как неисправная проаодка могла в любую минуту снова аспыхнуть, и сообщили в ЖЭУ».

Андриянов хвастливо докладывал мне в колонии, что тогда, после первого пожара, он вывел провода и соединил клочки.

Коитролер из Энергосбыта: «Я их предупреждала, что сгорят. А они: да был ведь уже пожар. И — всв».

— Вы ввдь знвли, что там живут маленькие дети? — спросила я.

— Знали, но мы за них не отвечаем...

ДЕТИ являются в мир под залог родительской любви и ответственности. Но ати родители были детям своим не защита, а угроза.

Г. Андриянова: «Утром я купила аодку на деньги, которые мне дала подруга для покупки продуктов детям. И выпила ее».

В. Никишина: «Андриянова была не такая уж пьяная: только утром выпила и потом на троих бутылку водки».

Г. Андриянова: «В 21 час я оставила двтей и ушла с зтими мужчинами. Не помню, как мы доехали до моей матери».

...В тот вечер Надежда Федорова, старшая сестра Владимира, изболевшаяся

> Нет, мы не застрвхованы от стихийного бвдстаия. Но многие человечвские трагвдии зрвют постепенно, у всех на глвзах. Гибель этих двтей — не несчвстный случай, а ужасная закономерность.

душой за детей, пришла, как обычно, проведать племянников. Она вспоминает:

— Голодные были. Я их накормила, уложила. Над Толиной коляской горел светильник. Галина всегда вешала на него какую-нибудь тряпку, чтоб свет Толе не мешал. Когда дети уснули, я собралась домой — ведь своих двое. Заперла дверь — и вдруг нехорошо на душе стало. Что тут запирать-то?

Еще миг помешкала она у замызганной двери, которой взрослый мир отгородился от шести обреченных маленьких людей. Субботний город отдыхал. Ходили по улицам дружинники, из открытых окон доносились голоса и музыка «голубых экранов», в ресторанах танцевали, а где-то в сплетениях аварийной электросети зарождалась роковая искра.

О том, как погибали дети, я узнала от чудом спасшегося семилетнего Игоря. Рука не поднимается описывать этот ужвс...

Всего через шесть минут приехвли пожарные. Зврево освщало уже всю Московскую улицу. Сквозь лопнувшее стекло огонь рвался нвружу.

Игоря увезли в больницу, а пятерых погибших, и а смерти сиротливых, сложили в ряд под деревом. Скорбно стояли над ними чужие люди. Кто-то предрекал: придут матври — на себя руки наложат.

Г. Андриянова: «Ночью мы пили у матери. Утром а и приятель пошли ко мне домой. У кинотевтра «Родина» незнакомвя женщина рассказала, что ночью сгорели дети. Я сразу поняла, что речь о моих. Я вернулась к матери. Там меня задержала милиция...»

Следователь говорил с Никишиной и Андрияновой вскорв после гибели детей. Никишина пришла к нему на допрос а светлой куртке, глвза и губы ярко накрашены. Отнюдь не выглядела убитой горем. Отвечала на вопросы и улыбалвсь. Улыбка настороженная: слегка все-таки побаивалась — не знала, чем обернется дело. Она по-прежнему работает няней в двтсаду, куда ходили ее дети. Андриянова тоже явилась на допрос со свежайшим маникюром и настороженным взглядом.

Что же это за люди такие?!

ВО ВРЕМЯ встреч с ними меня ни на минуту не покидало холодящее ощущение некоего иномира, запредельности, другого измерения. Уже в конце командировки я услышала от подруги Галины, что та не могла сразу получить для погибших детей место на кладбище: ей не выдавали свидетельства об их смерти, так как не сохранилось свидетельств о рождении. А существовали ли вообще ати документы? В горисполкоме мне сначала определенно сказали, что зарегистрироввн только старший, Игорь, спасшийся мальчик. Потом, правда, перезванивали в Москву, в редакцию, о том, что якобы нашлись в каких-то списках и остальные дети.

Я видела фотографии Коли и Сережи Никишиных. А вот детей Андрияновых никогда не фотографировали.

...Очень давно (говорят — еще до революции) в этом доме на Московской размещался небольшой домашний театр. В соседней большой комнате, за стеной, была сцена. Мне представилось: эти погибшие дети жили как бы «за сценой». В закутке. Расследуя эту историю вместе с юристом — консультантом «ЛГ» Николаем Федоровичем Михайловым, я все больше убеждалась: не просто сами тунеядцы и алкоголики выпали из рядов человеческих, но и все, их окружающие, отвернулись от них. И от их детей.

Никому в зтом городе не было до них дела. Если бы хоть кто-то из Ленинского райотдела народного образования Пензы обратил внимание на 7-летнего Игоря и поинтересовался, почему он не учится в школе, если бы комиссия по делам несовершеннолетних при Ленинском райисполкоме обратила аnимание на эти две неблагополучные семьи, если бы соседи аовремя забили тревогу, если бы участковый не «пожалел» этих, с позволения сказать, родителей... Сколько неслучившихся «если бы»...

Приходила ведь как-то председатель месткома детсада Т. Панина (в этот дет-

легчением. Ведь бессердечие на скамью подсудимых не посадишь.

У НАС — так сложилось — многодетную семью принято считать благом. Но разве секрет, что в иных семьях дети рождаются отнюдь не от чадолюбия. И мы, нередко обманувшись аывеской многодетности, не знаем, что по утрам в семьях, где родители пьют, мвлыши умываются голодными слезами. А родителям дваже лань их зарегистрировать и получить на них государственное пособие, даже лень отдать а ясли... Хуже того, Бывает, таким родителям дети становятся удобным прикрытием в их беспутной жизни. Не будь у алкоголика-тунеядцв детей, к нему скорей примут необходимые меры воздейстаия. А тут — попробуй привлеки, получается — осиротишь детей. Спекуляция многодетностью дла таких людей — образ жизни.

Непримиримая борьба с алкоголизмом, которую мы сейчас аедем, во многом оздоровила нашу жизнь. Но проводимые мероприятия почти не касаются, увы, тех, кто сам себя вывел за «сцену» жизни — тунеядцев, «потомственных» алкоголиков. Они не способны ни услышать, ни увидеть, что жизнь вокруг них меняется. Здесь нужны особые меры. Какие? Не знвю. Знаю твердо одно: воспитание детей, а том числе и грудных, доверять таким людям невозможно. Преступно!

Идя по следам этой трагедии, я вдруг сделала горькое открытие: нет у нас, оказывается, ни одной организвции, которая профессионально, по долгу службы занималась бы опекой и охрвной гражданских и человеческих праа вот таких дошколят.

Судите сами. Инспекции по делам несовершеннолетних занимаются подростками, совершающими правонарушения. Райотделы наробраза ведают школьниками и «организованным детством» в детских садах. А вот следить за тем, как детям живется домв, вроде бы не обязаны. Поликлиники наблюдают только за состоянием здоровья детей. Гороно имеет инспектора по опеке (одного на аесь город), который в основном оформляет дела о лишении родительских прав ужв в крайних, катастрофических ситуациях. Вот и аыходит, что самые маленькие, самые бвззащитные детишки из неблагополучных семей, словно милостыни, ждут чьего-то внимания. Но почему инспекции по делам несовершеннолетних нянчатся с подростками и их родителями, надзирают, воспитывают и, надо отметить, ставят многих на ноги, а дошкольники лишены злементарного внимания? Общество должно дать мвлышам профессиональных защитников. Людей, отвечающих за их нравственное здоровье, которое, как известно, в основном формируется в первые годы жизни.

Слышу жесткие словв: надо лишать зтих пьяниц родительских прав почаще и упростить волокиту с бумагами! Однако определение в детдом при живых родителях — это жест отчаяния. На мой взгляд, совершенно необходимо создать профессиональную организацию по опеке и охране првв детей дошкольного возраста. При роно, при милиции, при исполкоме — где угодно, но она должна быть. Психологи, педагоги должны бороться не только за детей, но и за их родителей.

...Каждый день, упорно отстояв длинные очереди, алчными руками хватают пьяницы бутылки с прилавков. Когда я вижу, как тут же, за углом, пьют они «из горла», мне кажется, будто нв они пьют, а бутылка, вставленная в рот, высасывает из них все то, что осталось в них от живого, способного думать, чувствовать человека.

А их несчастные, нередко увечные дети — ведь они тоже болезненно тянутся к вину. Кто вырастет из них? Новые поколения алкоголиков? Эти семьи живут не где-то, а рядом с нами. Но нередко мы попросту открещивавмся от них, потому что «противно туда заходить».

Пьющие отцы, матери, бабки... Какое сходство убогих, изломанных водкой судеб! Общество должно сделать все, чтобы прервать зту страшную цепочку, чтобы вернуть в русло человеческой жизни детей, которым не повезло родиться в нормальной семье.

ИЗ ПОЧТЫ ОТДЕЛА НАУКИ «ЛГ»

НАРКОМАНИЯ: не только «молодежная» проблема

Надеюсь, помимо правовых, медицинских и хозяйственных аспектов проблемы, будут затронуты газетой социально-психологические ее стороны. Ведь именно так можно высветить более отчетливо причины уже ощутимого пристрастия к наркотикам в нашей стране.

Известно, что во многих странах как одна из мер по предупреждению наркомании используется разъяснительная работа в школах. Причем не только в тех из них, где распространено это зло. Разъяснение и так называемое превентивное образование практикуются, скажем, в Чехословакии, Югославии. Об этом сообщал журнал «Курьер ЮНЕСКО» (февраль, 1982). Почему бы и нам не учесть данный факт?

Кроме того, учитывая международный опыт, видимо, необходимо преодолеть бытующие еще мнения о вреде широкого и открытого разговора о наркотиках.

Чувствую, что проблема «наркотики и наркомания» в основном воспринимается как молодежная. Это и понятно, если предположить, что употребление наркотиков может быть средством самоутверждения либо методом общения. Но только ли молодежная это проблема? Наверное, нет еще точного ответа на такой вопрос. Впрочем, так же как и на многие другие вопросы, связанные с архиопасным пристрастием.

Будет тем больше шансов в борьбе с наркоманией, чем скорее мы перестанем верить в такие утверждения: «Главные виновники растущей наркомании — сборщики южных урожаев и поставщики их товара на черный рынок и в подпольные лаборатории, производящие ядовитое зелье» (я процитировал А. И. Потапова, министра здравоохранения РСФСР, интервью с которым газета опубликовала 20 августа 1986 г.). Разве неизвестно, что в случае отсутствия потребителей зелья не стоял бы вопрос о «сборщиках южных урожаев»? Наверняка проблема шире.

Н. САФАРОВ, научный сотрудник

БАКУ

«Понятие мира однозначно для всех»

Беседа специального корреспондента «Литературной газеты» Леонида ПОЧИВАЛОВА с примасом Польши кардиналом Юзефом ГЛЕМПОМ

ПОЕЗД прогрохотал по мосту над Бугом, пробежал несколько километров, и вот в квадрат вагонного окна впечатался силуэт Тересполя, первого города уже на той, польской стороне. Над его кварталами острой пикой упиралась в небо колокольня костела. Она была демонстративно рослой, солидной, проглядывалась далеко окрест, должно быть, и с того, советского берега Буга тоже. Она как будто уведомляла въезжающих: с меня и начинается Польша.

Я въезжал в католическую страну. Неожиданное, казалось бы, несоединимое сочетание: социалистическое государство и одновременно одна из самых приверженных католицизму стран мира. Об этом постоянно напоминали шпили многих костелов в попутных городах и деревнях. Об этом напомнил томик Библии, заранее услужливо положенный на ночной столик в моем номере варшавской гостиницы. Нажал клавишу транзисторного приемника — правительственное радио передавало воскресную мессу из варшавского собора.

Гуляя по Варшаве с известным польским писателем, на улице Краковское пшедместье мы заглянули в костел, одну из главных достопримечательностей польской столицы — в стене костела замуровано сердце Шопена. Мой спутник, вступив под церковные своды, торопливо перекрестился. Я поразился: он же, член ПОРП, принадлежит к партии, которая основывает свою деятельность на марксистско-ленинском учении! Как же такое может сочетаться?

А вот так — сочетается! Это Польша. И понятная, и неожиданная. Я из другой страны, но близкой, соседней, веками исторически с Польшей связанной, наши страны в доброй дружбе, в едином социалистическом сообществе, в едином устремлении к одинаково значимым для нас ориентирам в будущем. Много общего, но немало и непохожего. И это непохожее, сугубо польское надобно всегда учитывать, принимать как реальность, как очевидную данность и истории, и сегодняшнего дня, если хотим — а мы, разумеется, хотим — лучше знать и, стало быть, лучше понимать друг друга.

Всякий раз, когда бываю в Варшаве, я встречаюсь с полковником Станиславом Квятковским, ученым и талантливым публицистом. Он руководит Центром по изучению общественного мнения. Это серьезное, научно независимое, по-военному четко действующее учреждение. Оно непосредственно подчинено задачам политического руководства страны, и я убежден, что данные, которыми оперирует Квятковский, отражают действительную обстановку в Польше.

На этот раз у нас зашел разговор о новых моментах во взаимоотношениях церкви и государства. Взаимоотношения эти носят, так сказать, генеральный характер. Ведь приблизительно 82 процента населения страны — верующие. Много верующих среди молодежи, немало — среди интеллигенции. Квятковский отметил: ныне в Польше уже перестали удивляться и в смущении скрывать тот факт, что заметное число членов ПОРП в анкетах тоже пишут: «верующий». Это кажется нам непостижимым. За годы Советской власти мы росли в убеждении, что принадлежность к религии — свидетельство культурной и интеллектуальной отсталости. И вдруг даже коммунисты... Парадокс? Иначе и не назовешь. Но ведь тоже реальность. И с ней необходимо считаться. Этого требует новое политическое мышление, к которому мы зовем и других.

Польша — один из важнейших оплотов католицизма в мире, в отношении к численности верующих здесь значительно больше церквей, чем в таких исконно католических странах, как Испания и Италия. Польский клир обладает мощным аппаратом воздействия, в котором трудятся десятки тысяч функционеров, объединенных строгой дисциплиной, выпускает массовыми тиражами газеты, журналы и книги, пользуется авторитетом в массах. Авторитет создавался не сейчас — он из прошлого. Польский костел издавна поддерживал патриотические движения в стране, содействуя объединению Польши, во время второй мировой войны был на стороне сражавшихся против фашизма поляков. Он — большая сила. И для дальнейших судеб Польши важно, на что эта сила будет направлена.

Если за границей говорят о поляке, то часто пользуются стереотипом: «поляк — католик». Больше того, буржуазная пропаганда на Западе неизменно навязывает суждение, будто верующий в Польше уже по факту своей принадлежности к костелу непременно должен находиться в оппозиции к социалистическому государству. Утверждение это ложно. За послевоенные годы под руководством коммунистов поляки, объединенные в патриотическом созидательном труде, с верой в будущее успешно закладывали основы для создания социалистического общества, а ведь среди трудившихся поляков было большинство верующих. Станислав Квятковский убежден в том, что польская религиозность вовсе не является столь фанатичной, как принято считать. «Опросы показывают, — говорил Квятковский, — что сегодня большинство поляков — за продолжение строительства социализма в Польше. На вопрос, смогут ли люди с совершенно противоположным отношением к религии вполне понимать друг друга, подавляющая часть опрошенных высказалась утвердительно».

Однако нельзя забывать, что в Польше есть силы, которые стремятся превратить церковь в политического противника государства. Именно на такие акции постоянно толкает костел определенные реакционные круги Запада. По их наущению некоторые религиозные деятели используют амвон для оппозиционных, открыто политических выступлений. Но, как считает Квятковский, они поступают вопреки воле верующих. Он заметил: «По мнению абсолютного большинства общества, деятельность и позиция католической церкви не требует противопоставления ее государству. Больше того, возможно бесконфликтное, благоприятное для всего общества сотрудничество в рамках сферы общих интересов». То же самое в Польше мне говорили многие.

Есть ли такие общие интересы? Разумеется! Что может быть священнее, чем защита жизни на земле? Католическая церковь — влиятельная сила во многих странах, и в наше время, когда перед человечеством стоит угроза оказаться на краю пропасти, миротворческий вклад костела может быть весомым.

Несовместимо наше мировоззрение с церковным. Но оно вовсе не отвергает взаимодействия в делах, направленных на подлинное благо человечества. В дни моего пребывания в Польше в ее столице проходило совещание секретарей ЦК братских партий социалистических стран. На совещании шел разговор об актуальнейших проблемах современности, в том числе о борьбе за мир. В коммюнике совещания было подчеркнуто: «Для сотрудничества в борьбе за эти цели идеологические, политические и мировоззренческие различия не должны быть препятствиями. Первостепенное значение имеет то, что объединяет отдельные силы, а не то, что их разъединяет».

Исходя именно из этого положения я попросил аудиенции у одного из крупнейших религиозных деятелей современности, главы польской католической церкви примаса Польши кардинала Юзефа Глемпа. Честно говоря, я не очень рассчитывал на успех задуманного. Знал, что кардинал избегает общения с журналистами, какие бы направления они ни представляли. Как мне сказали, глава польского костела еще ни разу не принимал представителя советской прессы, да и вообще представителя средств массовой информации социалистических стран. И то, что он все-таки согласился на встречу с корреспондентом «Литературной газеты», и в Польше, и за рубежом было расценено как событие примечательное. Об этом даже поторопились сообщить некоторые западные радиостанции.

Кардинал принял меня в своей варшавской резиденции. При беседе присутствовал секретарь кардинала — молодой ксендз, хорошо говорящий по-русски. Ксендз поставил на стол свой диктофон, я следом поставил свой — в такой беседе важна точность изложения.

И вот в зал вошел среднего роста плотный человек, облаченный в длинную черную сутану с большим крестом на груди. Его голову украшала круглая красная шапочка — знак высокого кардинальского сана. Передо мной стоял человек, которого признают своим духовным наставником миллионы поляков. Поначалу лицо его мне показалось суровым и закрытым, в твердом взгляде небольших темных глаз проступали воля и непреклонность.

Я представился. Кардинал сказал, что впервые встретил советских людей много лет назад, когда был ребенком. Его родной город освободили от гитлеровцев части наступающей Советской Армии. Солдаты вошли в его дом, чтобы попросить место для ночлега. Он запомнил, как эти суровые воины улыбались его маленькой сестренке.

Это воспоминание детства помогло нашей беседе с первой же минуты войти в менее официальное русло. И вот мы с ксендзом-секретарем одновременно нажали на клавиши наших диктофонов.

***

***

Ю. Глемп. Я рад встретить журналиста из Советского Союза. В свое время мне довелось побывать в СССР в качестве туриста. В дни моего пребывания я увидел в вашей стране высокий уровень культуры. И ни разу по отношению к полякам не почувствовал никаких недружеских проявлений. Я думаю, что дружба, понимание интересов каждого народа, уважение к его культуре, к его историческим традициям есть основа нормального сосуществования между народами. А это гарантия мира.

Л. Почивалов. Не могли бы вы, ваше преосвященство, дать свою оценку обстановке в сегодняшнем мире. Реальна ли, по вашему мнению, опасность всеобщей катастрофы?

Ю. Г. Сегодня каждый человек на земле дает себе отчет в том, какие большие силы участвуют в накоплении оружия массового уничтожения. И это не может не вызывать сознание опасности. Страх перед возможным употреблением этого оружия охватывает все большее число людей. Я был в США, во многих других странах и знаю, что страх перед войной стал повсеместным. Однако не думаю, что в этой ситуации, когда существуют большие ядерные силы, люди могут допустить войну. Гарантией того, что мы можем все же рассчитывать на мир, есть существование примерного равновесия в вооружениях. Это с одной стороны. С другой — это всеобщее стремление людей к миру. Эти два элемента не дают, однако, абсолютной гарантии безопасности, ибо может объявиться безумный человек, по вине которого разразится всеобщая катастрофа.

Л. П. Она может произойти не только по вине безумца. Мы живем в век компьютеров, и сбой может случиться в компьютере. В нашей жизни многое доверено

человека в уважении этических принципов. В этом заключается важнейшая задача всех церквей. Мы, верующие, прежде всего говорим о человеческой сознательности, внимании по отношению к другому человеку. Чрезвычайно важный аргумент в нашем учении — любовь, которая выражается даже в отношении к врагу. Это вопрос очень трудный. Он требует воспитания человека с самого начала, чтобы обуздать в нем негативные склонности к злу и гневу. Думаю, что церковь в этой области уже что-то сделала. Я напомню об энциклике папы Иоанна XXIII в пользу мира. Это очень важное учение. И ныне каждое первое января папа произносит речь в пользу мира, ибо первое января объявлено Днем мира. Таких речей было уже двадцать. У нас меньше политических, больше моральных установок в отношении к миру.

Л. П. Но в ваших действиях, как мне известно, существуют не только проповеди, но и конкретные акции, например известная встреча в Ассизи. В этом итальянском городе собрались представители разных вероисповеданий, чтобы в один голос сказать о своей обеспокоенности судьбами мира и готовности способствовать его защите. Разве это не политическое дейст-

цам. У ее подножия — маленькая фигурка ваятеля. Он устало присел на камень, отбросив в сторону свой резец. Ясно, что он в отчаянии. Ведь детище скульптора, которое он высекал в бесконечной череде дней, дало трещину от головы до основания. Человека человеку создать так и не удалось. Я увидел в этой картине олицетворение настроений, которые присутствуют сегодня в мире. Что ваше преосвященство думает о подобных настроениях?

Ю. Г. Я с убеждением могу подтвердить обеспокоенность вашего ученого-физика. Человек действительно далеко продвинулся в технике. Даже ребенок уже может управлять автомашиной, трактором, танком. Но не умеет найти себя в отношении к другому человеку. От бурного развития техники человек, к сожалению, не становится лучше. Вот почему мы говорим о том, что этика должна преобладать над техникой. Я часто общаюсь с многими людьми. Когда встречаюсь с гуманитариями, чувствую, что в них преобладает пессимизм. Но когда беседую с людьми, связанными с техникой, например с профессорами политехнических институтов, ощущаю больше оптимизма. И не потому, что эти люди верят в силу своей техники. А

во время войны половина священников из епархии, в которой я родился, погибла.

Л. П. Я читал, что ни один польский католический священник не пошел на сотрудничество с гитлеровцами...

Ю. Г. Я тоже не слышал о таких случаях.

Л. П. Что вы думаете о перспективах гуманитарного сотрудничества? В чем могли бы выражаться контакты с иными идеологиями, тоже выступающими в защиту мира? Хочу привести один пример. В свое время в СССР был выпущен фильм «Восхождение», посвященный трагедии войны. Его создатель — молодой режиссер Лариса Шепитько, к сожалению, погибла в автомобильной катастрофе. Она мне рассказывала, что за этот фильм была удостоена премии Ватикана. Значит, могут быть найдены общие точки соприкосновения в самом важном для человечества — в отношении к войне и миру?

Ю. Г. Мне припоминается, что у нас в Польше шел этот фильм.

Л. П. Он сделан по повести белорусского писателя Василя Быкова.

Ю. Г. Да, этот фильм шел у нас, но под другим названием — «Вознесение».

Л. П. Может быть. Я вспомнил об этом

церковь беспокоит неблагополучие экономического положения в мире, растущая отсталость многих стран. Я не один год прожил в Африке и Азии и видел, как умирают дети от голода, помню, как при мне один католический миссионер плакал, потому что у него не было возможности спасти умирающего ребенка. Некоторые — экономически развитые — страны уходят все дальше вперед, другие же все больше отстают. И я думаю, что разговор о новом мышлении в наши дни заведен потому, что появилось стремление сделать это политическое мышление более демократичным, более близким к реальной действительности.

Ю. Г. Да. На нашем языке мы называем это справедливостью. Новое мышление — это то, как понимать справедливость в глобальном масштабе. Ведь основа всему — сознание того, что все люди равны. И не только равны. Человек должен создавать сообщество людей, чтобы они находились ближе друг к другу. Поэтому неправильный, несправедливый раздел того, что дает земля, существование условий, когда на некоторых континентах умирают от голода дети, — это самая большая несправедливость, это великий грех человечества. И это, конечно, имеет

стоянный диалог. На самом высоком политическом уровне.

Л. П. Ваше преосвященство, как вы оцениваете встречу в Рейкьявике? Видите ли в ней положительные стороны?

Ю. Г. Думаю, что это было начало.

Л. П. Как расцениваете призыв полностью прекратить испытания ядерного оружия?

Ю. Г. Полагаю, что это то же самое, что и необходимость приостановить дальнейшее вооружение. Я поражаюсь тому, как можно испытывать оружие, которое нацелено на массовое уничтожение людей.

Л. П. Как вы относитесь к призыву, с которым выступил М. С. Горбачев, о создании мира без оружия, ненасильственного мира?

Ю. Г. Думаю, что нет людей, которые не разделяли бы этого мнения. Но дело в том, что среди людей еще не создано доверие друг к другу. Люди не верят тому, что говорится. И для этого нужен процесс воспитания, над которым мы хотим работать.

Л. П. Последний вопрос — о проблемах экологии. С ростом экономики на нашей планете все больше возрастает угроза природе. Каково отношение католической церкви к этой опасности? Тревожит ли она вас?

Ю. Г. Вот именно. И это тоже связано с защитой жизни. Обе проблемы близки. Когда говорим об опасности ядерной войны, мы думаем о будущем. Но загрязненная окружающая среда уже сегодня нас убивает. Мы в Польше с этим имеем немалые проблемы. У нас есть некоторые регионы, которые находятся в опасном экологическом положении. Особенно воздух и вода. Если бы сейчас сократить по-

дей. Я был в США, во многих других странах и знаю, что страх перед войной стал повсеместным. Однако не думаю, что в этой ситуации, когда существуют большие ядерные силы, люди могут допустить войну. Гарантией того, что мы можем все же рассчитывать на мир, есть существование примерного равновесия в вооружениях. Это с одной стороны. С другой — это всеобщее стремление людей к миру. Эти два элемента не дают, однако, абсолютной гарантии безопасности, ибо может объявиться безумный человек, по вине которого разразится всеобщая катастрофа.

Л. П. Она может произойти не только по вине безумца. Мы живем в век компьютеров, и сбой может случиться в компьютере. В нашей жизни многое доверено машинам. К проблеме неожиданной фатальной ошибки машины сегодня все чаще обращаются в своих произведениях и литераторы, и представители искусства. Какие-то недостатки в технике могут привести к серьезным катастрофам. Это подтвердили гибель американского космического корабля «Чэлленджер» и события в Чернобыле. Значит, на технику нельзя слишком надеяться.

Ю. Г. Это правда. Человек, который владеет техникой, должен быть подготовлен таким образом, чтобы полностью отвечать за нее. Ибо за каждой катастрофой кроется всегда человеческая ошибка. Это крайне важно, когда человек обращается с техникой, способной принести беду. В этом случае человек должен быть особенно ответственным.

Л. П. Верите ли вы, ваше преосвященство, в способность человечества спасти себя от самоуничтожения? Если да, то на чем покоится ваше убеждение в способности людей победить в себе злую волю? В каком взаимоотношении находятся основные догматы христианства с задачей спасения человечества от военного безумия?

Ю. Г. Католическая церковь разделяет всеобщее убеждение в том, что мир можно защитить от катастрофы. Действительно, мы должны искать мира всеми доступными способами. Один способ — политический. Он относится к властям отдельных стран. Другой — это моральное стремление, направленное к воспитанию области уже что-то сделала. Я напомню об энциклике папы Иоанна XXIII в пользу мира. Это очень важное учение. И ныне каждое первое января папа произносит речь в пользу мира, ибо первое января объявлено Днем мира. Таких речей было уже двадцать. У нас меньше политических, больше моральных установок в отношении к миру.

Л. П. Но в ваших действиях, как мне известно, существуют не только проповеди, но и конкретные акции, например известная встреча в Ассизи. В этом итальянском городе собрались представители разных вероисповеданий, чтобы в один голос сказать о своей обеспокоенности судьбами мира и готовности способствовать его защите. Разве это не политическое действие?

Ю. Г. Эти действия являются прежде всего беседами одних с другими, диалогами. И такие встречи, как в Ассизи, имеют большое значение для консолидации сил мира. Немалое значение имеют и другие антивоенные акции, например демонстрации в защиту мира, прежде всего в капиталистических странах.

Л. П. Выдающийся советский ученый-физик, нобелевский лауреат академик П. Л. Капица незадолго до смерти в беседе со мной, представителем «Литературной газеты», говорил, что нравственность в мире отстает от развития науки и техники. Морально люди еще не доросли до многих своих достижений. В частности, в атомной энергетике. Человек давно вышел в космос, создает думающие машины, но еще не сумел сам себя усовершенствовать соответственно требованиям эпохи. В мире растут преступность, наркомания, терроризм, безответственность в действиях иных политиков и государственных деятелей. Вы согласитесь, что войну может остановить только человек?

Ю. Г. Безусловно.

Л. П. В прошлом году здесь, в Варшаве, на выставке в защиту мира я видел небольшую картину, которая произвела сильное впечатление. Не помню имени автора. На картине была изображена пустыня. На переднем плане — высотой несколько метров каменная скульптура человека, созданная по античным образ-

Ю. Г. Я с убеждением могу подтвердить обеспокоенность вашего ученого-физика. Человек действительно далеко продвинулся в технике. Даже ребенок уже может управлять автомашиной, трактором, танком. Но не умеет найти себя в отношении к другому человеку. От бурного развития техники человек, к сожалению, не становится лучше. Вот почему мы говорим о том, что этика должна преобладать над техникой. Я часто общаюсь с многими людьми. Когда встречаюсь с гуманитариями, чувствую, что в них преобладает пессимизм. Но когда беседую с людьми, связанными с техникой, например с профессорами политехнических институтов, ощущаю больше оптимизма. И не потому, что эти люди верят в силу своей техники. А скорее по той причине, что у них наблюдается возврат к этическим проблемам. И это очень утешает. Ибо техника для человека лишь тогда является благом, когда человек сам имеет свое достоинство. Поэтому у меня глубокое убеждение в том, что деятельность костела в области этики является дополнением к политическим усилиям.

Л. П. В том числе в защиту мира?

Ю. Г. Конечно, я об этом и говорю.

Л. П. Готова ли католическая церковь сотрудничать с другими политическими и неполитическими движениями в деле защиты мира? Какие могут быть возможности для такого сотрудничества?

Ю. Г. Я думаю, что понятие мира однозначно для всех. Что такое мир? Это всеобщее благо. Если множество людей стремятся к этому благу, то они, естественно, должны проявлять доброжелательность в отношении друг к другу. У нас в Польше мы не создаем каких-либо специально организованных групп верующих в защиту мира, но стремление к миру наших людей очень сильное. Мое поколение помнит, что такое война. Я в начале нашей встречи упомянул об освобождении Польши Советской Армией, но я помню и 1939 год, когда началась гитлеровская оккупация. Помню, как брали у нас людей в концлагеря, как вывозили на подневольный труд в Германию, выбрасывали нас из наших домов. И мы не хотим повторения этого. Я думаю, наши ксендзы мыслят таким же образом. Ведь в свое время в СССР был выпущен фильм «Восхождение», посвященный трагедии войны. Его создатель — молодой режиссер Лариса Шепитько, к сожалению, погибла в автомобильной катастрофе. Она мне рассказывала, что за этот фильм была удостоена премии Ватикана. Значит, могут быть найдены общие точки соприкосновения в самом важном для человечества — в отношении к войне и миру?

Ю. Г. Мне припоминается, что у нас в Польше шел этот фильм.

Л. П. Он сделан по повести белорусского писателя Василя Быкова.

Ю. Г. Да, этот фильм шел у нас, но под другим названием — «Вознесение».

Л. П. Может быть. Я вспомнил об этом фильме, чтобы привести пример того, как в гуманистической сфере мы можем искать новые и новые возможности для подобных контактов.

Ю. Г. Конечно, должны искать их. У нас есть такие возможности, как диалог. Это может распространиться и на другие формы контактов, такие, как симпозиумы, выставки, развитие туризма.

Л. П. В связи с этим, ваше преосвященство, я хотел бы перейти к другому вопросу. Как вы относитесь к призыву утвердить в международных отношениях новое, основанное на реальностях сегодняшнего дня политическое мышление?

Ю. Г. Честно говоря, я не очень понимаю этот вопрос. Мне кажется, мышление бывает или положительным, или ошибочным. Если оно является ошибочным, то оно неправильно оценивает действительность, если является положительным — тогда оно дает себе отчет в том, какова действительность на самом деле. Вот почему столь важна настоящая информация. Когда один народ общается с другим народом, он должен знать о другом народе всю правду. А получается так, что пропаганда порой экспонирует лишь одну правду. Это наносит ущерб делу. Поэтому я думаю, что очень важна полная и правдивая информация. Через правду мы идем к взаимному пониманию. А отсюда уже близко и к всеобщему миру.

Л. П. Папа римский Иоанн Павел II недавно говорил о том, что католическую что появилось стремление сделать это политическое мышление более демократичным, более близким к реальной действительности.

Ю. Г. Да. На нашем языке мы называем это справедливостью. Новое мышление — это то, как понимать справедливость в глобальном масштабе. Ведь основа всему — сознание того, что все люди равны. И не только равны. Человек должен создавать сообщество людей, чтобы они находились ближе друг к другу. Поэтому неправильный, несправедливый раздел того, что дает земля, существование условий, когда на некоторых континентах умирают от голода дети, — это самая большая несправедливость, это великий грех человечества. И это, конечно, имеет прямое отношение к проблемам защиты мира.

Л. П. Гонка вооружений отняла возможности борьбы с засухой. Именно она ответственна за гибель детей от голода...

Ю. Г. Да, это правда.

Л. П. СССР выдвинул предложение полностью ликвидировать ядерное оружие до конца нынешнего столетия, сделать новый век веком без оружия и войн, решать все международные конфликты исключительно ненасильственным путем. Находят ли эти предложения поддержку в католической церкви?

Ю. Г. Я не разбираюсь в этой проблеме. Знаю только, что вопрос этот весьма непростой. Можно, конечно, желать, чтобы к 2000 году уже не было на планете оружия, но существуют реальности нашего времени, которые свидетельствуют о том, что этот вопрос трудный. Видимо, это надо делать поэтапно. Во-первых, приостановить дальнейший рост вооружений. Для меня это постоянно является тайной: почему к такому не приходят? Думаю, что гонка вооружений распространилась на столь многие области, что породила самые различные возможности вооружаться. Если одна сторона видит, что в определенной области вооружений другая сторона ее перегнала, она стремится наверстать отставание. Значит, прежде всего надо решительно заявить: конец всяким вооружениям! А потом сокращать те запасы вооружений, которые существуют. Для этого нужен диалог, процесс воспитания, над которым мы хотим работать.

Л. П. Последний вопрос — о проблемах экологии. С ростом экономики на нашей планете все больше возрастает угроза природе. Каково отношение католической церкви к этой опасности? Тревожит ли она вас?

Ю. Г. Вот именно. И это тоже связано с защитой жизни. Обе проблемы близки. Когда говорим об опасности ядерной войны, мы думаем о будущем. Но загрязненная окружающая среда уже сегодня нас убивает. Мы в Польше с этим имеем немалые проблемы. У нас есть некоторые регионы, которые находятся в опасном экологическом положении. Особенно воздух и вода. Если бы сейчас сократить потенциалы вооружений! Ведь излучение может погубить природу. Поэтому Чернобыль — большое предостережение всему миру, напоминание о том, как осторожно надо обходиться с великими силами природы. И мы здесь опять возвращаемся к тому, что все в конечном счете зависит от человека, который должен быть открытым как другому человеку, так и миру природы. И лишь включение проблем экологии в проблемы защиты мира дает полную картину современной обстановки.

Л. П. Хотелось бы завершить нашу беседу на оптимистической ноте. Я вам рассказал о той картине, которую видел на выставке в Варшаве и которая олицетворяет чувство безнадежности перед будущим. Будем надеяться, что все-таки это не наше будущее.

Ю. Г. Да! У нас как у верующих тем более оптимистическое воззрение на будущее. Ибо мы верим, что бог правит миром, хотим сотрудничать с великим учением бога и ищем такие способы, которые посильны человеку в достижении этой цели. Я думаю, что молитвы о мире, которые слышны во всех костелах, имеют большое значение.

Л. П. Разрешите поблагодарить ваше преосвященство за внимание.

Ю. Г. Я тоже очень рад, что вы пришли сюда. Нам нужны подобные контакты. Желаю вам новых творческих успехов в литературной работе, которая укрепляет дружбу между нашими народами.

Наблюдателями от «ЛГ» на выборах в бундестаг оказались два наших корреспондента. В. ЗАПЕВАЛОВ помнит ФРГ конца 70-х — начала 80-х годов при власти социал-демократов с либералами. А нынешний соб. корр. «ЛГ» А. ФРЕНКИН видел, как пришла к власти коалиция консерваторов при поддержке либералов и как стали поворачивать они вправо. Их диалог об итогах прошедших выборов предлагаем вниманию читателей.

ЧТО случилось в ФРГ

Валентин ЗАПЕВАЛОВ

БОННСКИЙ ДИАЛОГ

Анатолий ФРЕНКИН

А. Ф. Признайтесь, не ожидали, что за 4 года новая власть сумеет так круто повернуть ФРГ. И внешнюю политику подверстать под американскую, и во внутренней гайки закрутить. Так как вы считаете, закономерен итог выборов или случаен?

В. З. То, что блок ХДС/ХСС так резко сдал свои позиции, оказалось неожиданным. Лишь в год образования Федеративной Республики за западногерманских консерваторов голосовало меньше избирателей. И все же правоцентристской коалиции ХДС/ХСС—СвДП удалось удержаться у власти. Я вспоминаю март 1983 года, когда правительство Коля—Геншера впервые выиграло выборы. Либералы тогда вскочили в «уходящий поезд» лишь ценой неимоверных усилий. А на этот раз СвДП сделала солидный взнос в коалиционную копилку голосов. И это, пожалуй, процесс закономерный...

А. Ф. Да, в ФРГ, в общем, все осталось по-старому! Избиратели снова поддержали правящую коалицию. Следовательно, поддержали рост военных программ, авантюристические планы участия в СОИ. Военно-промышленному комплексу явно удобнее нынешний консервативный блок, пусть даже вместе с либералами, чем социал-демократы и «зеленые». На сегодня у бундесвера нет разве что собственных ядерных ракет среднего радиуса — они американские. Но по остальным видам новейших вооружений США и другие западные державы сняли с ФРГ ограничения, существовавшие по послевоенным соглашениям.

Да и националистические настроения в стране подогреваются тем, что в западных немцах разжигают сознание их военной силы.

В. З. Значит, по-вашему, большинство населения — за участие в программе «звездных войн» и за прочие военные приготовления?

А. Ф. Объективно — да. Выбор сделан, и именно такой. Хотя мотивы у людей, чтобы поддержать эту коалицию, были самые разные. В том-то и драма Западной Германии, что миллионы немцев здесь отодвигают от себя такие неприятные вещи, как угроза ядерной катастрофы, рост вооружений в стране и пр., да и то, что в заложниках у Пентагона остаются. Все это, видите ли, портит настроение. А им хочется жить сегодняшним днем, думать о покупках, мечтать о новой машине, умчаться к морю куда-нибудь подальше. Экономическая конъюнктура в ФРГ прочней, чем у соседей, марка крепкая. Да, ядерные взрывы, гонка вооружений — все это тревожно, но ведь газеты уверяют, будто ФРГ все равно зависит от США и ничего сама сделать не может... Вот и голосует обыватель, пока ему сытно живется, за то, чтобы все осталось, как есть.

В. З. Фатализм этот и пассивность удивляют. Но итоги выборов, на мой взгляд, обозначили интересную тенденцию — в ФРГ все-таки пробиваются ростки нового мышления. Видимо, понимают, что и кошелек не спасет, случись катастрофа.

У меня сложилось впечатление, что и в Западной Германии растет понимание опасности тех гор ядерного оружия, под которыми буквально содрогается вся территория ФРГ. Об этом мне говорили здесь открыто, не скрывая, что вера в федеральное правительство разрушена. Выражением неприятия политики безопасности канцлера Коля и стала значительная потеря им голосов на выборах в бундестаг.

А. Ф. Справедливости ради можно заметить, что кое-что Коль и Геншер записали в свой актив: конструктивную позицию на заключительной фазе конференции в Стокгольме, выступление в пользу соблюдения советско-американского Договора по ПРО. Не под давлением ли СвДП?

В. З. Мне тоже показалось, что СвДП занимает в этом вопросе более разумную и конструктивную позицию. В федеральном правительстве либералы являются своего рода гарантом продолжения курса, намеченного еще кабинетом Брандта-Шееля.

А. Ф. Не в том сейчас вопрос, что осталась прежняя коалиция. А в том, как решится между ее участниками борьба за власть. В Мюнхене в штаб-квартире ХСС мне сказали, что внешнюю политику ФРГ они будут менять, причем независимо от исхода выборов претендуют на пост министра иностранных дел.

В. З. Мне хотелось бы еще раз вернуться к Геншеру. О нем много говорят в ФРГ, он основная мишень нападок ХСС, который считает его главным препятствием на пути осуществления своих целей.

А. Ф. Думаю, что благодаря большому личному авторитету Геншера либералы добились крупного успеха. Не случайно один из последних опросов сделал его самым популярным политическим деятелем в стране. Он последовательно отстаивал преемственность внешней политики, выступал за разрядку. Реваншистского угара сторонился. Напоминал, что нужно хранить верность «восточным договорам». Видимо, Геншер стал надеждой умеренных сил в СвДП и ХДС, которые хотели бы уберечь ФРГ от дальнейшего сдвига вправо, от эксцессов, которых было немало. Эти круги в тревоге за известное ухудшение отношений ФРГ с СССР, ГДР и другими социалистическими странами. Была тут карикатура перед выборами в одной из газет: каждый удар Штрауса по Геншеру лишь поднимает шансы последнего — как на силомере. Грубовато, но верно — Штрауса побаивались многие.

В. З. Социал-демократам не удалось добиться своей цели — возглавить федеральное правительство. Их результат на выборах тоже весьма скромен. Многие понимали, что достижение абсолютного большинства голосов невозможно в настоящих условиях. Вместе с тем кандидат в канцлеры от СДПГ Й. Рау отказался от сотрудничества с единственно возможным союзником — партией «зеленых».

А. Ф. Не секрет, что Й. Рау искал дополнительные голоса не на левом фланге, а на правом, пытаясь отвоевать их у СвДП и ХДС. В итоге он потерял какую-то часть боевой молодежи на левом фланге, она ушла к «зеленым», и те мощно выросли. Что еще ослабляет СДПГ, так это их боязнь выступить против антисоветской обстановки в стране. Запустил генсек ХДС Х. Гайсслер версию, будто если народ не изберет ХДС/ХСС, то в стране наступит «красно-зеленый хаос», и эта провокация сработала.

В. З. В Бонне считают, что Рау был переходной фигурой, и новым кандидатом в канцлеры от СДПГ на выборах в бундестаг 1991 года называют председателя социал-демократической фракции в парламенте Г.-Й. Фогеля. Но найдет ли СДПГ пути к союзу с «зелеными»?

А. Ф. Противники блока есть, между прочим, и в той, и в другой партиях. А пока что оппозиция в ФРГ разобщена, правящая же коалиция действует единым блоком. И мирное движение, увы, страдает от разобщенности СДПГ и «зеленых».

Многие спрашивают, как же не сработал фактор большой безработицы. Но люди отчаялись: ведь при правлении СДПГ безработица была примерно такой же. Они и не верят, что СДПГ может ликвидировать безработицу.

В. З. Важным результатом выборов я назвал бы рост симпатий в стране к партии «зеленых». Они решительны в борьбе против СОИ и американских ракет. Самоотверженно отстаивают сохранение природы, воюют с химическими концернами, загрязняющими Рейн, чем снискали признание народа. И если бы не травля со стороны мощного пропагандистского аппарата ХДС/ХСС, «зеленые» набрали бы еще больше голосов. И наберут в дальнейшем...

ГОЛОС ХУДОЖНИКА В МИРЕ БЕСПРАВИЯ

Будущее, оплаченное кровью

Облик Прамудьи Ананты Тура, запомнившийся мне по нашей короткой встрече в 1958 году, плохо вязался с образом «одетой яркими цветами» Индонезии из песни, что мы слышали по радио в те далекие годы. Ненадолго остановившийся в Москве после Ташкентской конференции писателей Азии и Африки, Прам (так зовут его земляки) выглядел хмурым, изможденным, много старше своих тридцати трех лет.

За плечами у писателя была нелегкая служба военкора в начале антиголландской освободительной войны 1945—1949 годов, арест, допросы и тюрьма, откуда все-таки просочились в печать его первые рассказы, сразу приковавшие к себе внимание. Впереди его ждали еще более тяжелые испытания...

Талантливый прозаик, который вскоре снискал славу лучшего пера Индонезии, Прам много переводил. За незнанием русского он переводил на индонезийский с голландского и английского рассказы Льва Толстого и Куприна, «Мать» и «Детство» Горького, «Повесть о настоящем человеке» Полевого.

Впервые на русском языке в 1957 году вышли его автобиографические «Рассказы о Блоре» (1952), а в 1965 году — ранняя повесть «На берегу реки Бекаси» (1947). В 1980 году советские читатели смогли познакомиться с одним из самых сильных сочинений Прамудьи Ананты Тура «Семья партизан» (1950).

Будущее не оправдало надежды тех, кто заплатил за него кровью. Независимая Индонезия все глубже и глубже погружалась в политический, общественный и экономический хаос.

Сотни тысяч крестьян — членов и приверженцев КПИ пали жертвами террора, который был развязан в октябре 1965 года пришедшими к власти военными. Десятки тысяч людей без суда и следствия были брошены в тюрьмы. В их числе оказался и Прам. Переменив несколько мест заключения, он попадает в 1969 году в лагерь на острове Буру. Именно здесь темными тропическими вечерами, поначалу в виде устного сказа (заключенным не положены были письменные принадлежности), возникает история глазастого яванского школяра из аристократической семьи, вступающего в жизнь на заре XX века.

Вернувшись в конце 1979 года в круг семьи (под надзор полиции), писатель принимается готовить к печати законченную вчерне тетралогию, в центре которой образ индонезийского интеллигента — журналиста и общественного деятеля Минке.

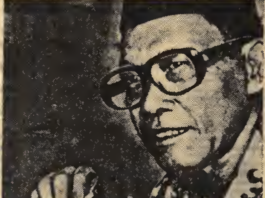
На родине писателя опубликованы три книги тетралогии — «Мир человеческий», «Сын всех народов» и «За шагом — шаг». «Мир человеческий», опубликованный уже на нескольких европейских и азиатских языках, только что вышел и на русском в издательстве «Радуга». Вероятно, одно из самых важных достоинств всех трех книг состоит в том, что автор с редкой психологической убедительностью показывает, как в его герое формируется и ищет выражения чувство духовной независимости, человеческого достоинства и резкого протеста против политического и социального гнета.

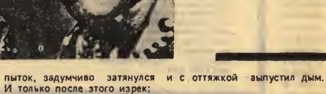
Свободолюбивый пафос романов и одновременно их увлекательная форма настолько раздражали индонезийские власти, что они запретили хранение и распространение «Мира человеческого» и «Сына всех народов» как книг, содержащих «тонкую и скрытую пропаганду идей марксизма-ленинизма». Об этом, равно как и о предании огню части тиража этих книг, «ЛГ» уже писала (25 ноября 1981 года). Сегодня мы хотим ознакомить читателей с фрагментом романа «За шагом — шаг», также запрещенного решением генерального прокурора Индонезии. На документе стоит дата — 1 мая 1986 года...

Прамудья Ананта Тур

За шагом — шаг

ФРАГМЕНТ РОМАНА

Когда я сошел с поезда, на бандунгском перроне меня уже ждали Сандиман и Тыку Джамилун. Оба они выглядели так, словно на них возили воду. Сандиман держал в руках большой сверток. Глаза у него были, как у затравленного зверя.

— Это все, что мне удалось унести, туан, — проговорил он. — Тут все бумаги из вашего шкафа.

— Чего ради ты притащил их сюда?

— Они выгнали нас из типографии и из редакции, туан.

«Опять эти разбойники из De Zweep*», — подумал я.

— И вы так и спустили им это с рук?

— Сила солому ломит, туан. Ведь они все были при оружии. С полицией шутки плохи.

— Это что же — за нас взялась уже и полиция? — переспросил я, не веря своим ушам. — За что они выгнали вас? Что они говорили?

— Ничего они не говорили, туан. Выставили нас за дверь, и делу конец. А редакцию заперли и опечатали. Все, что я смог спасти, — вот, ваши записки.

Мы отправились на улицу Нарипан, дом 1. Редакция была опечатана. Перед дверью на лестнице сидел Марко, уткнувшись лицом в колени.

— Ступайте-ка все по домам, — приказал я своим помощникам. — Да смотрите, чтоб не пропали записки!

Сам я вскочил на извозчика и велел ехать в приемную ассистента резидента.

...

пыток, задумчиво затянулся и с оттяжкой выпустил дым. И только после этого изрек:

— Разумеется, вас привело ко мне какое-то важное дело?

— У меня нет больше моего важного дела, — ответил я. — По какой причине опечатан «Медан», туан ассистент?

— Почему вы не прислали мне заявление по всей форме?

— В заявлениях мало проку, туан. Мою редакцию тоже опечатали далеко не по всей форме. Не лучше ли поговорить с глазу на глаз?

— И когда же был наложен арест на вашу редакцию? — спросил он (ни дать ни взять балаганный паяц при виде расходящихся зрителей).

— Полагаю, именно тогда, когда вы распорядились это сделать.

— Вот как? И что же — так вам сказали чиновники, прибывшие на место?

— Это говорю вам я, туан.

— Так-так. И если я правильно вас понял, вы хотели бы...

— Я хотел бы узнать причину, туан, причину, по которой опечатали мою редакцию.

— Ах, так? Вам хотелось бы знать, на каком основании...

— Да, и если это основание окажется резонным, мне больше ничего от вас не надо.

— А помните вы вашу статью о некоем Тыку Джамилуне?

— Вы хотите сказать, что со мной собираются обойтись так же, как с Тыку Джамилуном?

...

— Так это и есть ваш ответ?

— Если угодно, то да. Постарайтесь уладить свои дела с Торговым банком.

Больше мне не удалось выудить у него ни слова.

Когда я появился в банке, несколько служащих словно невзначай оторвались от работы, чтобы поглазеть на меня. Вскоре вышел секретарь и провел меня прямо к директору, туану Терматену. Он предложил мне сесть и сразу же взял быка за рога:

— Туан Минке, наша задача — обслуживать своих клиентов. Нас не касаются их конфликты с частными лицами или с официальными инстанциями. Надеюсь, я выражаюсь ясно?

— Яснее ясного, туан Терматен.

— Мы защищаем интересы доверившихся нам клиентов от посягательств с какой бы то ни было стороны, не считая, разумеется, тех случаев, когда закон не требует от нас обратного. Но даже и тут мы обязаны взвесить, насколько приемлем для нас закон. Если нет, закон должен отступить или же мы обязаны свернуть наше дело и перебраться в другую страну.

— Я высоко ценю вашу точку зрения, туан Терматен.

— И мы не желаем знать, что произошло между редактором «Медана» и туаном ассистентом резидента.

Сказав это, директор подал знак одному из служащих.

Тот подошел и положил перед ним на стол гроссбух. Директор перелистал книгу и остановился на нужной странице:

— Вот, можете посмотреть своими глазами. Ваш актив составляет около тысячи гульденов. И знают об этом только вы и наш банк. Ни одна живая душа не имеет права узнать об этом без вашего согласия.

Выйдя из банка, я завернул в первую попавшуюся харчевню. Там я уселся в уголке и стал наблюдать за тем, как хлопочет хозяин, обслуживая посетителей. Не прошло и минуты, как рядом со мной пристроился какой-то человек.

Он кашлянул.

Покосившись на своего соседа, я увидел, что это не кто иной, как Пангеманann. Я вздрогнул и приготовился к самому худшему. Все говорило за то, что где-то неподалеку околачиваются молодцы из De Zweep. Ох, напрасно я отпустил Сандимана и Марко! Ну что же, сделанного не воротишь. Хочешь не хочешь, а придется отбиваться от них самому.

— О, туан Пангеманann!

— Добрый день, туан. Я приметил вас еще на улице и поспешил за вами следом. Жаль, я уже пообедал и не могу составить вам компанию. Пока вам еще не подали, разрешите поболтать с вами о том о сем?

— Почему же нет?

— Ну, так что же вы думаете о моем «Питунге»?

— По своей манере он напоминает рассказы Френсиса.

— Френсис и в самом деле был моим учителем, — приосанился Пангеманann. — Так, значит, вы берете мою повесть?

— Да, — ответил я, — но только вам придется набраться терпения. Следом за Хаджи Мулуком мы собираемся запустить еще один роман.

Он состроил грустную мину, этот шакал:

— И, уж наверное, этот роман куда интереснее моих писаний?

— Это пусть решает читатель, ему и карты в руки, — отрезал я, пытаясь угадать, что последует за этим вступлением.

— По правде говоря, туан, ваша статья о Тыку Джамилуне прозвучала как гром среди ясного неба. Если бы не вы, никто во всей Индии и не подумал бы, что облеченные властью европейцы могут нарушать законы. Могу вас заверить: подобного рода поступки противоречат самой их натуре.

— Вы так думаете?

— Я долго жил в Европе, туан, так долго, что и сам стал чуть ли не европейцем. Я знаю: самое главное для них — это право. Сызмальства они приучают своих детей к порядку, а потом, насколько мне известно, им преподают законы,

...

тогда к нему подошли несколько мужчин. Кому-то он велел пойти за носилками, кого-то послал за полицией. После этого Пангеманann занялся третьим. Когда он распахнул его куртку, стало видно — в боку у лежащего торчит нож, из тех, что бросают с расстояния. Вокруг лезвия, по самую рукоятку ушедшего в тело, выступил лишь узенький ободок крови.

Я постарался уйти оттуда как можно скорее. Взгляд мой неустанно бродил по сторонам в поисках черного зонтика из плотной ткани или хотя бы велосипедиста с лицом Сандимана. Пот катил с меня градом.

В конторе «Прокат таксомоторов» я нанял такси.

За рулем автомобиля сидел немолодой индоевропеец. Поначалу мы колесили с ним по городу, но Черный Зонтик так больше и не попался мне на глаза. Заехали в приемную ассистента резидента, но она была уже на замке. Потом я заглянул в универсальный магазин, купил там охотничий нож и приладил его за поясом.

И только после этого я сказал:

— В Бейтензорг.

Наша поездка длилась каких-нибудь два часа, и все это время я не мог расслабиться ни на минуту. По моей просьбе шофер остановил машину, не заезжая в ворота. Я расплатился, дал ему на чай, и он покатил дальше, куда-то в сторону Батавии.

Я внимательно осмотрел землю перед воротами — следов автомобильных шин нигде не было. Не было их и на аллее, ведущей к дому. Поднимаясь на веранду, я услышал доносящиеся изнутри восклицания. Я поднял голову. В гостиной было полно народу.

Принцесса вышла встретить меня на веранду.

— У нас полон дом гостей, дорогой. Они приехали как раз перед тобой, — сказала она со своей обычной приветливой улыбкой и заботливо, как всегда, отряхнула пыль с моей куртки.

Я посмотрел ей прямо в глаза, и тут она вдруг отвела взгляд. Это показалось мне странным. Но в ту же минуту я заставил себя улыбнуться и отправился здороваться с гостями. Кто бы мог быть этот индонезиец, заявившийся ко мне со всем своим семейством?

— Ты что — не узнаешь меня? — догадался он. — Это же я, Панджи Дарман!

Он шагнул ко мне навстречу, и мы обнялись.

— А вот и моя супруга. Видишь, у нас уже четверо детей.

Жена его оказалась индоевропейкой, основательно располневшей после четырех родов. Должно быть, в свое время она была красоткой.

К счастью, Панджи Дарман отступился от меня и снова сел на свой стул. Я пожал руку его супруге, а она кивнула мне и улыбнулась в ответ.

Вслед за тем, попросив прощения у гостей, я вышел из комнаты, словно для того, чтобы сменить платье.

В спальне я немедленно открыл платяной шкаф и стал одну за другой осматривать стоявшие внизу женины туфли. Среди них одна пара оказалась невычищенной. Это были как раз бархатные туфельки без задников. А вот и кожаная сумка с цветной аппликацией. Я открыл ее и сразу почувствовал в ноздрях запах пороха. Или мне это только почудилось? Черного зонтика в шкафу не было. Я закрыл дверцу. И увидел, что зонтик лежит на шкафу.

Я раскрыл его — в туго натянутой ткани засветились три отверстия

Вытащив из кармана футлярчик с ключами, я отпер комод. Револьвер был тут, хотя и лежал не на своем месте. В барабане у него осталась только одна пуля.

В изнеможении я опустился на кровать. Итак, моя жена, Принцесса, взяла на душу... Нет-нет, я не имею права ни в чем ее обвинять.

Принцесса вошла в комнату и сразу же подошла ко мне:

— Ты недоволен, что к нам нагрянуло столько народу, дорогой?

Я посмотрел ей в лицо, и она снова отвела взгляд.

— Сделай милость, скажи, где ты была сегодня днем?

— На базаре.

— С каких это пор ты стала ходить на базар?

— Сама не знаю, что это мне вдруг пришло в голову. А почему ты спрашиваешь? У тебя такой подозрительный вид, — мягко, как ни в чем не бывало, ответила она.

Ее спокойствие все больше подкрепляло мои догадки.

Когда гости разошлись по отведенным им комнатам, чтобы переодеться и отдохнуть с дороги, я снова отправился в спальню и повторил свой осмотр. Зонтик уже стоял на месте в уголке шкафа. На бархатных туфельках не было ни пылинки. В барабане револьвера оказалось нужное количество патронов. Или я разучился считать?!

Должно быть, Принцесса поняла, что я о чем-то догадываюсь. Войдя, она бросила взгляд на платяной шкаф, а потом на комод.

— Если бы ты знала, до чего я устал.

— Хочешь, я приготовлю тебе лимонад?

Я сел на краешек кровати, а она продолжала стоять в ожидании, чуть поодаль.

«Опять эти разбойники из De Zweep*в, — подумал я.

— И вы так и спустили им это с рук?

— Сила солому ломит, туан. Ведь они все были при оружии. С полицией шутки плохи.

— Это что же — за нас взялась уже и полиция? — переспросил я, не веря своим ушам. — За что они аыгнали аас? Что они говорили?

— Ничего они не говорили, туан. Выставили нас за дверь, и делу конец. А редакцию заперли и опечатали. Все, что я смог спасти, — вот, ваши записки.

Мы отправились на улицу Нарипан, дом 1. Редакция была опечатана. Перед дверью на лестнице сидел Марко, уткнувшись лицом а колени.

— Ступайте-ка все по домам, — приказал я своим помощникам. — Да смотрите, чтоб не пропали записки!

Сам я аскочил на извозчика и велел ехать а приемную ассистента резидента.

Не дождаясь приглашения, я постучал в дверь. Он кивнул голоаой, приторно улыбнулся и указал мне на стул. Я сел, а он с озабоченным видом аышел из комнаты. Ему необходимо было показать мне, какой он занятой челоаек — ну прямо ни минуты свободного времени.

Теперь я сидел и ждал уже а кабинете. Может быть, он решил проучить меня за то, что я вопреки протоколу сам постучался в дверь? Черт подери, но ведь я же пришел к нему не с каким-нибудь вздором. Если «Медан» перестанет аыходить, это всполошит аесь «Союз» и положит конец борьбе с произволом, потому что одна лишь наша газета и занимается этим на свой страх и риск.

Однако прошло уже пять минут, а его асе нет. Вот негодяй! Что же ты прячешься от меня?! Ведь я же никто, у меня в руках нет никакой власти. И все-таки ты боишься меня, ассистент резидента!

Вошел служитель и поставил на стол стакан аоды. Отодвинул его подальше от меня. Снова исчез за дверью. Прошло еще не меньше пяти минут, прежде чем появился ассистент резидента. На лице и на шее у него не было ни капельки пота. Единственное дело, которое он сумел сделать, — это аставить а зубы трубку. Не вынимая ее изо рта, он пробурчал:

— Извините меня, туан.

Прежде чем сесть, он вынул изо рта трубку, азял стакан и осушил его до дна. Если кто-нибудь из нас двоих и волновался, так это он. Именно ему нужно было прийти в себя перед разговором.

Он уселся, медленно аыскреб остатки прогоревшего табака в пепельницу, набил трубку, раскурил ее с двух или трех по-

— И когда же был наложен арест на вашу редакцию? — спросил он (ни дать ни азять балаганный паяц при виде расходящихся зрителей).

— Полагаю, именно тогда, когда вы распорядились это сделать.

— Вот как? И что же — так вам сказали чиновники, прибывшие на место?

— Это говорю вам я, туан.

— Так-так. И если я правильно вас понял, вы хотели бы...

— Я хотел бы узнать причину, туан, причину, по которой опечатали мою редакцию.

— Ах, так? Вам хотелось бы знать, на каком основании...

— Да, и если это основание окажется резонным, мне больше ничего от вас не надо.

— А помните вы вашу статью о некоем Тыку Джамилуне?

— Вы хотите сказать, что со мной собираются обойтись так же, как с Тыку Джамилуном?

— С чего вы взяли? Я хочу сказать, что уже предупреждал вас насчет этой статьи. Теперь вы поняли?

— Что же тут понимать, туан? Но в статье не было ни слова лжи. Не поступило ни одного опровержения.

— Покуда еще не поступило, туан.

— Опровержения еще не было, а «Медан» уже опечатан.

Ему явно нечего было сказать. Он снова азялся за стакан, но в нем не было уже ни капли воды. Он пососал свою трубку, но она потухла. Тогда он чиркнул спичкой, снова раскурил трубку, затянулся и быстро аыпустил дым.

— Так вы не можете назвать причину ареста?

— Я предупреждал вас о возможных последствиях.

— Это не основание. У меня в столе лежит десяток анонимных писем, предупреждающих о возможных последствиях...

— Вы что, хотите поставить на одну доску государственного служащего и автороа анонимных писем?

— Я аижу, вы просто не желаете со мной объясниться, туан. Тем хуже. Тогда, с вашего позволения, я обращусь а более высокие инстанции.

— Советую вам не кипятиться, туан. Поймите, ко мне поступила просьба приостаноаить деятельность вашего предприятия.

— Вот это другой разгоаор. Итак, аы асего лишь аыполняли пожелание третьего лица. И кто же — хотел бы я знать — это третье лицо?

— Я не аправе сообщить вам это, туан. Позвольте, однако, поинтересоааться: в каком состоянии ваш платежный баланс а торговом банке?

Новая отгоаорка! Наш баланс в банке был активным. Что же, придется сыграть а поддавки. И я отаетил:

— Может быть, мы перебрали кредитов?

По лицу у него расплылась торжествующая улыбка. Он закивал головой и, словно в такт, постучал трубкой по столу.

терпения. Следом за Хаджи Мулуком мы собираемся запустить еще один роман.

Он состроил грустную мину, этот шакал:

— И, уж наверное, этот роман куда интереснее моих писаний?

— Это пусть решает читатель, ему и карты в руки, — отрезал я, пытаясь угадать, что последует за этим вступлением.

— По правде говоря, туан, ваша статья о Тыку Джамилуне прозвучала как гром среди ясного неба. Если бы не вы, никто во всей Индии и не подумал бы, что облеченные аластью европейцы могут нарушать законы. Могу вас заверить: подобного рода поступки протиаоречат самой их натуре.

— Вы так думаете?

— Я долго жил в Европе, туан, так долго, что и сам стал чуть ли не европейцем. Я знаю: самое глааное для них — это право. Сызмальства они приучают своих детей к порядку, а потом, насколько мне известно, им преподают законы. Люди там вечно спорят о том, что такое право, но так или иначе законность как раз и возвысила Европу над всем миром. Жаль только, что, покинув родину, европейцы слишком часто забывают то, что им внушали дома и в школе.

Тут он умолк, а потом словно бы спохаатился:

— Да что же ато я пичкаю вас европейской законностью перед едой! Ага, я вижу, аам уже подают кушанье. Эй, хозяин, принеси-ка мне стакан кофе с молоком.

Все, что он гоаорил потом, навсегда стерлось а моей памяти. Я увидел, что по улице медленно идет женщина под зонтиком. На ней была глухая шелковая кофточка, батиковый кайн и бархатные туфельки без задников. Она шла одна. Все это аыглядело как-то странно. В особенности ее зонтик из плотной черной ткани. Такой, как она, куда больше подошел бы легкий шелковый зонтик с цветочным узором. На сгибе руки у нее висела доаольно аместительная кожаная сумка. Женщина шла, слоано прогуливаясь. Вот она остановилась, пропуская велосипедиста. Готов поклясться, это был Сандиман! Велосипедист, накручиаая педали, исчез из виду, а женщина продолжала идти дальше своей грациозной походкой.

Где же я видел эту кожаную сумку с аппликацией а виде розы? Я попытался представить себе фигуру женщины, полускрытую зонтиком. Сердце у меня екнуло. Неужели это Принцесса, моя жена?! Но если это так, почему же Сандиман лишь мельком взглянув на нее и пронесся мимо?

Я поднялся из-за стола, подозвал хозяина и извинился перед своим назязчивым сотрапезником. Он тоже встал. В ту самую минуту, когда я собирался расплатиться, один за другим грянули три выстрела. Приготовленные деньги сами упали в подставленную ладонь харчеаника.

— Стреляют, — одними губами проговорил Пангемананн. Не обращая на меня больше аниvания, он бросил на стол четверть рупии, и его словно ветром сдуло.

Я тоже аышел и почти побежал туда, откуда донеслись выстрелы. Женщины, в которой я признал свою жену, и след простыл. Пострадааших оказалось трое. Двое из них аалялись на тротуаре, истекая кроаью. Третий тоже лежал на земле, хотя и оставалось неизвестным, ранен он или нет. Пангемананн был тут как тут. Он склонился над одним из раненых. Когда я подоспел, тот уже испустил дух — пуля попала ему в самое сердце. Другой еще шевелился и асе пытался сесть. Я мельком взглянул на него и узнал Роберта Сюрхофа.

Третий асе еще лежал на земле, как-то неестестаенно подергивая ногами.

Пангемананн, повысив голос, позвал на помощь. Только

— С каких это пор ты стала ходить на базар?

— Сама не знаю, что это мне вдруг пришло в голову. А почему ты спрашиваешь? У тебя такой подозрительный вид, — мягко, как ни в чем не бывало, ответила она.

Ее спокойствие все больше подкрепляло мои догадки.

Когда гости разошлись по отаеденным им комнатам, чтобы переодеться и отдохнуть с дороги, я снова отправился в спальню и повторил свой осмотр. Зонтик уже стоял на месте в уголке шкафа. На бархатных туфельках не было ни пылинки. В барабане револьвера оказалось нужное количество патронов. Или я разучился считать?!

Должно быть, Принцесса поняла, что я о чем-то догадываюсь. Войдя, она бросила взгляд на платяной шкаф, а потом на комод.

— Если бы ты знала, до чего я устал.

— Хочешь, я приготовлю тебе лимонад?

Я сел на краешек кровати, а она продолжала стоять а ожидании, чуть поодаль.

— Ты лучше разомни мне шею. Прямо головы не повернуть.

Она подошла ко мне:

— Ляг, пожалуйста, на живот, а я подсяду к тебе сзади.

Я повиновался, и она принялась массироаать мне шею.

— Ты возвращалась с базара одна или с тобой был Сандиман?

— Сандиман? Но разве он в Бейтензорге?

— Ах да, он же уехал в Бандунг. Что-то у меня сегодня ничего не держится в голове.

— Ты и в самом деле страшно устал. И тело у тебя горячее. Полежи-ка, а я извинюсь за тебя перед гостями.

Мы замолчали. Когда она собралась уходить, я взял ее за руку и заметил длинную царапину у нее на кисти.

— Что у тебя с рукой?

Она очаровательно улыбнулась мне в ответ:

— О гвоздь ободралась на базаре.

— Хотел бы я знать, где ты отыскала этот гвоздь. И даже помазать ничем не успела. Тебе просто дух некогда было перевести.

— Я совсем аышла у тебя из веры, любимый.

Она обняла меня и прижалась ко мне всем телом. И тут-то я и шепнул ей на ухо:

— А где ты раздобыла еще три патрона?

— Не было никаких патронов. И царапины не было. И на все у меня хватило времени.

Я прижал ее к себе так, что у нее перехватило дыхание:

— А что же было?

— У меня был и есть мой муж, мой повелитель. И я никому не позволю уродовать его тело или — упаси боже — его лицо, глаза, рот...

— Так, значит, и вправду это ты их убила?

— Я никого не убивала, — часто дыша, выговорила она. — Для меня самое главное — это ты. Отпусти меня.

— Нет, сначала скажи.

— Ты хочешь, чтобы я закричала? У меня есть муж, и этим сказано все! Ты взял в жены девушку из Касируты, но ты не знаешь уроженок Касируты.

— Ну, давай рассказывай — что же в вас такого, в касирутках?

— Мы не прощаем неверных мужей, дорогой. И мы не прощаем тех, кто поднимает руку на наших мужей.

— И поэтому ты их убила?

— Я ничего не знаю. Я знаю только тебя — моего мужа. Не спрашивай меня больше ни о чем.

Вступление и сокращенный перевод с индонезийского
Б. ПАРНИКЕЛЯ

* Вымышленная автором террористическая организация в Нидерландской Ост-Индии.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Звёздный почерк

КНИГА стихотворений советских и болгарских поэтов приурочена «Советским писателем» к 25-летию со дня первого полета человека в космос.

Болгарский народ, освобожденный русским воинством от османского ига, принял в апреле 1879 года свою первую конституцию, названную Тырновской по месту этого исторического события. Таков был первый шаг болгарской государственности после пятисотлетнего перерыва. И ровно через сто лет, в апреле 1979 года, первый болгарин поднялся в космос вместе с русским: Георгий Иванов и Николай Рукавишников. Георгий Иванов взял с собою стихи Любомира Левчева, в которых прозвучало крылатое выражение: «Эпоха летная!». Задолго до этого полета в стихотворении Евг. Евтушенко «Я — землянин Гагарин» возникла рифма «болгарин». Тоже счастливое совпадение, сбывшаяся рифма, подтвержденная затем и Л. Левчевым:

...Королев,
Россия,
Байконур,
Гагарин.
Гори, гори, счастливый миг, —
ведь звездный произнес язык
и имя отчее — Болгария.

Полет человека в космос и вдохновение поэта не могут не обнаружить свое внутреннее родство. Лев Озеров привел образ, найденный Юрием Гагариным: «Пашня усыпана зернами звезд» — это восприятие исконного труженика, вчерашнего крестьянина. Недаром этот образ самопроизвольно возникает то тут, то там в стихах советских и болгарских поэтов. Леонид Мартынов, всегда остро чувствовавший противоречивость нашего тревожного мира, тогда воскликнул:

Вознесся в космос человек...
И снова землю оглядел:
Напрашивается масса дел!

Действительно, масса дел нас ждет — и космических, и поэтических, и сугубо прозаических, в которых нам и впредь потребуется мужество и — хочется сказать созвучно — содружество. Кстати, «дружба» звучит одинаково и по-русски, и по-болгарски.

Книга прекрасно оформлена рисунками Владимира Джанибекова, старательно составлена В. Коткиным, Й. Милевым, В. Савельевым и К. Селиховым. Книга удалась, но стала бы еще лучше, будь она построена скупей и строже. В ней представлены 233 поэта, что неизбежно приводит к обилию вариаций на одну и ту же тему, к перенасыщенности риторическим пафосом — в каждом отдельном случае он может быть оправдан масштабом событий, но вкупе создает впечатление избыточности и повторяемости. А ведь можно было обогатить сборник, добавив новую грань, коснувшись извечной человеческой мечты о полетах в небо, стихами, например, Валерия Брюсова и Велимира Хлебникова...

Чем продуманней замысел, тем он глубже, а совпадения — «чем случайней, тем вернее»... Приятно отметить такие совпадения. Например, рядом со стихами Егора Исаева — стихи болгарских поэтов Младена Исаева и Людмилы Исаевой. А еще мне лично радостно было встретить в сборнике стихи Лиляны Стефановой, с которой мы в пятидесятых годах учились в Литературном институте и стихи которой я перевел одним из первых и послал вместе с оригиналом моему отцу, болгарину, чтобы он оценил мой труд...

Закончить этот краткий отзыв хочу четверостишием Николая Тихонова — оно относится ко всей книге и ко всему, что стоит за ней:

Звездный почерк разберет не каждый,
Не такой простой он, звездный путь,
То, что там написано однажды,
Никаким пером не зачеркнуть.

Звездный путь... Его продолжение следует.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

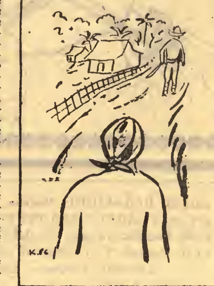
«Звездный час». Издательство «Советский писатель». М. 1986.

Рисует Куслан Будиман

Индонезийский художник, поэт и прозаик Куслан Будиман, чьи рисунки к роману мы публикуем, с 1971 года живет и работает в Советском Союзе. Выставки его графических работ экспонировались во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы. Искусству Будимана-акварелиста посвятил несколько лет назад свои страницы журнал «Иностранная литература».

Десятилетним парнишкой Куслан Будиман стал участвовать в антиголландской войне, с шестнадцати лет выступает в печати, пишет повести для детей. Будучи членом Лиги народной культуры (ЛЕКРА), художник сотрудничал с Прамудьей Анантой Туром.

БЫЛИ И ДРУГИЕ ВАРИАНТЫ

Как вам понравится такое заглавие? Конечно, не очень, были и другие варианты, но на этом администрация «Клуба ДС» остановилась по совету В. ЯКОВЕНКО из Кременчуга, который порекомендовал при подведении итогов во всех возможных случаях писать: «Были и другие варианты» — тогда те, «у кого с остроумием не очень, все-таки будут чувствовать себя причастными к юмору». Если бы не этот совет, мы выбрали бы один из таких заголовков: «В загс с первыми петухами» (Светлана АСНИОВА, Минск), «Куры-муры» (Д. ЯРГУН, Запорожье), «Курпсихора» (В. СУРДОВ, Мерефа Харьковской обл.).

Проникновенная лиричность, которой окрашен рецензируемый снимок, поневоле толкнула многих участников конкурса на стихосложение:

И мы когда-то
так сидели,
Я пел и плакал
при луне.
Что ж приключилось
в самом деле?
— Да надоел ты,
Петя, мне

Евг. КОВАЛЕРЧИК (ВИТЕБСК)

Были и другие варианты.

Зато предложившие «Рога и копыта» оказались гораздо изобретательнее и увидели в сюжете снимка не только любовь:

«Изобретатель Кучиин так усовершенствовал фотоаппарат, что при съемке теперь высиживают сразу две птички» (Г. КРИВОШЕИН, Свердловск).

Многие пытались предугадать подписи, которые пришлют десятки авторов. Никому это не удалось, «массовки» оказались такими: «Давайте жить дружно!», «Сердца четырех», «Давайте дружить семьями», а также взаимоисключающие: «Все как у людей» и «Все не как у людей».

Понравились такие подписи: «Петь, а Петь, а городские обнимаются» (студентка ЛГУ Д. ТАИРОВА, Ленинград), «Чувства наспех — курам на смех» (Ю. АРТЕМЬЕВ, Краснодар), «У них дело к свадьбе, значит, наше — табака» (В. КИМ, Харьков). «Куриниатюра» (Сусанна АЛАВЕРДЯН, гор. Мары и Г. КРИВОШЕИН, Свердловск).

Предлагаем новое задание. Были и другие варианты, но остановились на этом. Ждем ваших подписей, стихов и миниатюр НА ОТКРЫТКАХ, которые надо послать не позднее десяти дней после выхода этого номера газеты. Заодно обращаем внимание Министерства связи СССР на то, что во многих городах (не говоря уж о сельской местности) в продаже нет открыток — об этом сообщили многие участники нашего конкурса.

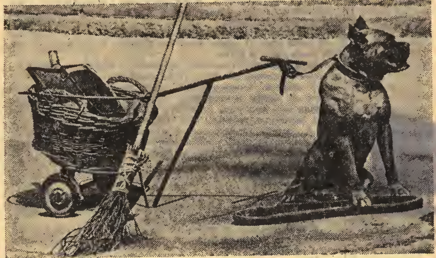

Фото А. ЗАВАРИНА (ОДЕССА)

В. ЧУДОДЕЕВ

РАЗРЕШИТЕ ОТЧИТАТЬСЯ

ТОВАРИЩИ! В связи со сложившейся в последнее время напряженной обстановкой разрешите отчитаться перед вами о работе нашего предприятия, которым мне поручено с успехом руководить.

Не прошло и года с тех пор, как мы вынуждены работать по-новому. Надо сказать, что мы и раньше работали хорошо. Но оказалось, что хорошо работать мало, надо еще и выпускать продукцию. Мы на этот призыв своевременно откликнулись, и, как только была получена установка, многие уже на следующий день начали мыслить самостоятельно. Надо сказать, что это было непросто, поскольку указание было расплывчатым — ясно было указано, как надо мыслить, но неясно — чем. А наш главный технолог додумался даже до того, что предложил мыслить головой, что в наш век вычислительной техники совершенно недопустимо. В результате прошло предложение мыслить общими усилиями. Но думать при этом — кто что захочет.

И результаты не замедлили сказаться.

Так, например, начальник отдела материально-технического снабжения сразу понял, что станки с программным управлением, закупленные им в прошлом году за рубежом без программного обеспечения, до сих пор не введены в строй только потому, что к ним не подходит наша программа Центрального телевидения. Публично признав эту свою ошибку восемнадцать раз, он заслуженно завоевал звание «Победителя самокритического соревнования» и в ближайшее время будет представлять наш район на областном конкурсе самокритического творчества.

С интересной инициативой выступил и директор нашей заводской столовой. Он заключил с подшефным совхозом взаимовыгодный договор, по которому все продукты, поставляемые совхозом в нашу столовую, минуя разгрузочно-погрузочные операции, сразу отправляются обратно в виде пищевых отходов.

Значительные материальные ресурсы удалось изыскать главному бухгалтеру предприятия. Взяв обязательство не начислять зарплату за бракованную продукцию, он в течение месяца сумел сэкономить фонд заработной платы на все сто процентов. Эти средства были обращены в поощрительный фонд и выплачены коллективу предприятия в виде премии за экономию фонда зарплаты.

С большим подъемом прошла у нас на предприятии и переаттестация инженерно-технического персонала. Все лица, не соответствовавшие занимаемым должностям, успешно понижены в должности и в качестве моральной компенсации повышены в окладе.

Существенно повысили мы и престиж инженерного труда. Если раньше для работы на овощной базе мы ежедневно посылали туда 60 сотрудников, то теперь с этим положением покончено. Вот уже третий месяц они не только работают, но и живут там постоянно. В связи с этим пересмотрели мы и штатное расписание нашего ОКБ. Кроме инженеров-конструкторов первой и второй категорий, предусмотрена теперь и должность «инженер-разгрузчик высшего сорта».

Интересный экономический эксперимент провели мы и в нашем бюро технической документации. Теперь оплата труда производится здесь исключительно по конечному результату — талонами за макулатуру. В результате реальная заработная плата сотрудников управленческого аппарата после реализации ими талонов увеличилась в два раза.

Однако надо признать, что есть еще среди нас и такие, кто пытается работать по старинке. Я имею в виду технолога Спиридонова, который, как и пятнадцать лет назад, пытается пробить свое изобретение. Несмотря на то, что ему уже тогда ясно дали понять, что его изобретение никому на предприятии не было и не будет нужно до тех пор, пока экономический эффект от его внедрения он надеется получить сам как единственный автор.

К счастью, таких ретроградов у нас не много. Большинство из тех, кто осознал, какие выгоды сулит нам работа по-новому, уже развернули бурную деятельность. Никто у нас сегодня не стоит на месте, а уж тех, кто сидел бы на месте, вообще не найти.

Разрешите ваши бурные аплодисменты считать за возгласы одобрения.

А. БАВЫКИН

Смотрелка «Клуба ДС»

Администрация «Клуба ДС» постоянно и неуклонно стремится поворачиваться лицом к окружающей жизни. Однако, как заметил один известный сатирик, сделать это не так просто, поскольку жизнь окружает со всех сторон. Тем не менее администрация не теряет надежды. В том числе и в сфере искусства. С раннего босоногого детства увлекаясь кино, она (администрация) старается не пропускать ни одного фильма — как на большом, так и на малом домашнем экране. И свои стихотворные отзывы и оценки просмотренных кинолент решила публиковать на 16-й странице. Сегодня — первая такая подборка микрорецензий. Мы обращаемся к нашим читателям, любителям кино- и телефильмов, с предложением присылать свои субъективно-объективные рецензии. Лучшие, справедливые и остроумные мы будем публиковать. Условие одно: каждая микрорецензия должна состоять максимум из четырех строк, не более. На конвертах пишите: «СМОТРЕЛКА «КЛУБА ДС».

«ДОСЬЕ ЧЕЛОВЕКА В «МЕРСЕДЕСЕ»

Вербовка. Шифровка. Агенты.
Погони. Кафе. Резиденты.
Любовь. И несчастья отчасти.
А в общем — шпионские страсти...

«МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Да, книге режиссер послушен:
Трудился честно он над ней.
Но... не мешало б «Мертвым душам»
Быть хоть немножко поживей!

«ПРОСТИ МЕНЯ, АЛЕША!»

Кровь на асфальте.
Родовые схватки.
Надлом. Надрыв. Младенец.
Море слез...
А зритель усмехается украдкой:
— Да неужели все это всерьез!

«ДЕНЬ ГНЕВА»

Режиссеру можно не тужить,
Коль усвоил правила науки:
Как рассказ отличный уложить
В полтора часа экранной скуки...

«В ПОИСКАХ КАПИТАНА ГРАНТА»

Сюрприз: Жюль Верн —
и вдруг тоска!
Смотрю и сам себе не верю...
А стоило ли так искать —
На целых семь унылых серий!..

«ИЗ ЖИЗНИ НАЧАЛЬНИКА УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА»

Для содержания такого
Не нужно выбора богатого:
Хватает статности Лаврова
И обаяния Филатова...

В кинозале и у телеэкрана сидел и смотрел дежурный рецензент «Клуба ДС» Вл. ВОЛИН

Из памятки бюрократу

Регулярно внося свою посильную лепту в борьбу с бюрократизмом, администрация «Клуба ДС» печатает сегодня некоторые положения из «Памятки бюрократу» и приглашает своих читателей принять активное участие в создании и увеличении пунктов этого документа, призванного не только изобличить столь отвра-

Верь людям на слово! Но слово должно быть заверено подписью и печатью.

На чужих плечах любая ноша становится легкой.

На работе зря времени не трать: береги каждую потерянную минуту.

Не ищи отговорок: они всегда должны быть у тебя под рукой.

Не принимай посетителей, не приняв соответствующую позу.

Требуй уважения к себе, если не можешь его заслужить.

Есть слова, которые мешают перейти от слов к делу. Не забывай их!

Михаил ШЕВЧЕНКО

БАСНИ

Поляна Льва

Лесной народ встревожила молва:
Отравлена поляна Льва.
Горит трава. Деревья погибают —
Их, знавших Льва, поспешно вырубают.
Сталь топоров в округе засверкала,
И щепки долетают до Байкала...
Сбежались звери к зданью газотреста.
«Пора, — взревел Медведь, — поставить трест на место!

Вместо бессмертия

Когда в свет выходят книги, которые немедленно попадают на полку нашей «клубной» библиотечки, это всегда радует. Но когда книга выходит из-под пера постоянного автора «Клуба ДС», это радует вдвойне. И дежурный администратор, которому посчастливилось заполучить ее (книгу) именно в свое дежурство, старается найти ей (книге) самое почетное место.

Именно о таком издании и о таком авторе далее пойдет речь.

Юрий Шанин в рекомендациях и представле-

аоучительные, называемые у нас в «Клубе» «лаконизмами».

Писать стихи трудно, писать фельетоны в стихах еще труднее. Но не для Ю. Шанина. Он с этим справился мастерски, и получилась глава «Перезревшие вопросы».

Из памятки бюрократу

Регулярно внося свою посильную лепту в борьбу с бюрократизмом, администрация «Клуба ДС» печатает сегодня некоторые положения из «Памятки бюрократу» и приглашает своих читателей принять активное участие в создании и увеличении пунктов этого документа, призванного не только изобличить столь отвратительное явление, каковым является бюрократизм, но и по возможности способствовать его полнейшему искоренению.

Верь людям на слово! Но слово должно быть заверено подписью и печатью.

На чужих плечах любая ноша становится легкой.

На работе зря времени не трать: береги каждую потерянную минуту.

Не ищи отговорок: они всегда должны быть у тебя под рукой.

Не принимай посетителей, не приняв соответствующую позу.

Требуй уважения к себе, если не можешь его заслужить.

Есть слова, которые мешают перейти от слов к делу. Не забывай их!

Входи в положение людей, у которых оно прочное.

Не откладывай в долгий ящик то, что можешь положить под сукно.

Доверяй слову больше, чем бумаге! А бумаге — больше, чем человеку!

Михаил ГЕНИН

Разные судьбы

Григорий ПРУСЛИН

рассказики

Жили-были два брата. Между прочим, близнецы. Сергей Борисович и Андрей Борисович. Вместе они родились, вместе росли, вместе учились. Друг на друга были очень похожи. Но какие разные судьбы!

У Сергея Борисовича энергия била через край. Три записные книжки от телефонов пухнут. Все мог Сергей Борисович. Перед праздником сервелат достать, а в будни сосиски. Места в скорый поезд, в купе, туда и обратно — хоть накануне. Кухонный гарнитур — с доставкой на дом. Ботинки — так непромокаемые, и ноги в них не болят. Билеты в кино — придите за полчаса. Зеленый горошек — до десяти банок. Обои — пожалуйста, трех цветов. Батарейки — плоские и круглые. Починить телевизор — нет проблем. Шапку вязаную — с нерусской надписью. Полкило гвоздей — скажите размер. Домашние тапочки — на любую ногу. «Птичье молоко» — вот телефон. Канистру на двадцать литров — не бывшую в употреблении. Настольную лампу — цвет сногсшибательный. Резиновую шапочку — с выпуклыми цветами. Цветы — по сходной цене. Что-то женское на 8 Марта — будьте любезны...

Активно крутился Сергей Борисович и мог все!

Андрей же Борисович, родной брат-близнец его, на удивление сторонникам генной теории, был диаметральной противоположностью.

Ничего не организовывал Андрей Борисович. Ни сервелат, ни сосиски. Ни на поезд, ни гарнитур. Ни ботинки, ни билеты. Ни зеленый горошек в любой расфасовке, ни тем более обои трех цветов. Не говоря уж про батарейки плоские и круглые. Ни телевизор починить, ни шапку с вязаным текстом. Ни тебе гвозди, ни домашние тапочки. Помидоры — если в заказе. К бородинскому не привык. «Птичье молоко» — ел у брата. Канистра — лишняя вещь в хозяйстве. Лампа настольная — подарок от коллектива. Резиновая шапочка — стандарт. Жене на 8 Марта — одеколон «Наташа».

Ничего не доставал Андрей Борисович. Даже и не пытался. Работал себе и работал. И был бы страшно удивлен, узнав, что брат его, близнец, все свои деловые разговоры начинает с фразы: «Добрый день, вас беспокоит брат Андрея Борисовича...».

В. ПЕСКОВ

БАСНИ

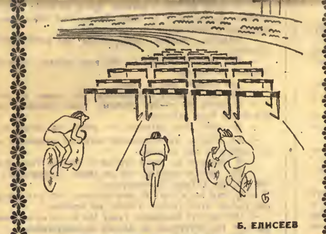
Поляна Льва

Лесной народ встревожила молва:
Отравлена поляна Льва.
Горит трава. Деревья погибают —
Их, знавших Льва, поспешно вырубают.
Сталь топоров в округе засверкала,
И щепки долетают до Байкала...
Сбежались звери к зданью газотреста.
«Пора, — взревел Медведь, — поставить трест на место!
Его химкомбинат — наш враг:
Он гонит в воздух лишний аммиак...
Куда дирекция глядит! Зовите Волка!
Он ратовал за газ! Пускай ответит толком,
Где заверенья — не трогать атмосферу!!.»
Поджавши хвост, явился Волк:
«Нам увеличен план... Мы согласуем меры...
Но газ,
Как видите, для нас —
Занятье дорогое...
Нам выпускать бы что-нибудь другое...»
«А где ты раньше был!! — поднялся гвалт. —
Судить! В отставку!..»
И тут взял слово Лис как представитель главка:
«Друзья, шуметь в усадьбе Льва!.. Не гоже.
Здесь свято все... Здесь Лев увидел свет,
Здесь много-много лет
Он прожил.
И край родной своим трудом прославил,
И мудрое наследье нам оставил...
Давайте же вести о главном речь —
О том, как
Для потомков
Все сберечь.
На это нами и нацелен Волк,
И это наша общая забота.
Спасти поляну Льва —
патриотический наш долг!
Иль мы уже не патриоты!..»
Переглянулись звери. И в смущенье разбрелись.
Хвост поднял Волк. И ухмыльнулся Лис.

Вот тут и разберись —
Вчера губили Львиную поляну,
А завтра восстанавливать начнут.
И все за счет народного кармана,
К тому ж еще и... патриотами слывут.

Попугай на трибуне

Стал Попугай главой конторы птичьей —
И сразу ощутил свое величье.
Особенно, когда взлетал он на трибуны,
Чтоб трогать в душах птиц трепещущие струны.
Бывало, что ни речь, ни выступленье —
Пернатые немели в восхищенье.
А позже на ветвях, на тропках
Чирикали: «Ну вот, твердили — глупый Попка...»
«Кто в мир пустить такое мог!..
Какая глубина в речах! А дикция! А слог!..»
«Нет, право, на трибуне он —
Как Цицерон!..»
Не знаю, сколько бы продлилось так.
Но как-то вышел на трибуну Попугай и — брак! —
Заверещал: «Попка — дурак! Попка — дурак!..»
И вздрогнул птичий мир: как быть!
Как все истолковать!
Нельзя ль сие за самокритику признать!..
Но волноваться тут, друзья, не стоит.
Случилось самое простое:
Наш Попугай зазнаться соизволил
И Соловья конторского уволил,
Бог знает, за какие прегрешенья.

Б. ЕЛИСЕЕВ

А Соловей писал ему и речи все, и выступленья.
Теперь помощника ругай иль не ругай,
А Попугай предстал как попугай.
Ведь он с трибуны брякнул в зал
То, что, прощаясь, Соловей в сердцах сказал...

Да, Попугай смешон.
За Соловья, конечно, нам обидно.
А вот за аплодирующих — стыдно.

Громоотвод и Флюгер

Однажды Флюгер, увидав Громоотвод,
Сказал насмешливо: «Ты износился что-то скоро...
Сооружали нас в один и тот же год,
Смотри, как почернел ты — драить впору,
Согнулся да и выглядишь устало...
А мы с тобой из одного металла!
Однако полюбуйся на меня:
Ну часто ль мне затишье выпадало,
И уж меня ли не мотало —
Без круговерти не живу и дня!
Но в весь в блеске! Я не гнусь, не устаю,
Хотя всю жизнь на сквозняках стою!..»
И Флюгер удостоен был ответа:
«Оно-то так... Но надо ж понимать —
Ты всего-навсего лишь держишь нос по ветру,
А мне — удары молний принимать!..»

Уволенный Баран

Баран работу завалил. И был уволен.
Уход переживал. Порой был просто болен.
И все ж собратьям пыль пускал в глаза:
«От должностей устал я... И сказать
По совести, я рад, что с вами вновь на воле...
А то бумаги все. Изволь за них ты отвечать!..
А здесь, в открытом поле,
Поблеять можно или помолчать...
Нет, я доволен!
Конечно, кой-чего лишен в известной мере,
Однако принципам своим остался верен.
За то и пострадал.
Рога не опускал ни перед кем,
О правде-матке блеял всем...»
И тут Баран умолк: к отаре шел стригаль.
Баран послушно лег. Тот начал стрижку...
А мораль!

Иной, и дело завалив, имеет смелость
Представиться таким, каким бы быть хотелось.
Но да услышат все, имеющие уши:
Стригальщику Баран всегда послушен.

бессмертия

ЧИТАЛКА КЛУБА ДС

Когда в свет выходят книги, которые немедленно попадают на полку нашей «клубной» библиотечки, это всегда радует. Но когда книга выходит из-под пера постоянного автора «Клуба ДС», это радует вдвойне. И дежурный администратор, которому посчастливилось заполучить ее (книгу) именно в свое дежурство, старается найти ей (книге) самое почетное место.

Именно о таком издании и о таком авторе далее пойдет речь.

Юрий Шанин в рекомендациях и представлениях друзьям «Клуба ДС» не нуждается. Его непрерывный стаж сотрудничества с 16-й полосой «Литгазеты» скоро превысит двадцатилетний рубеж. Хочется лишь добавить, что в свободное от сочинительства время поэт преподает латынь в Киевском медицинском институте.

Но вернемся к книге. Она носит многообещающее название «Вместо бессмертия» и вышла в киевском издательстве «Радянський письменник» тиражом 28 тысяч.

Автор условно разделил свою книгу на несколько частей.

«...Сестра таланта» — название одной из них. Да, вы правильно догадались — в этой главе собраны разные краткие мысли, мудрые, смешные, поучительные, кравоучительные, называемые у нас в «Клубе» «лаконизмами».

Писать стихи трудно, писать фельетоны в стихах еще труднее. Но не для Ю. Шанина. Он с этим справился мастерски, и получилась глава «Перезревшие вопросы».

Жанр пародии в наше время стал особенно популярным. Давно клюнул на него и Ю. Шанин. В этом вы сможете убедиться, прочитав главу «Жизнерадостные дублеры», где встретите пародии на хорошо известных вам (а не только нам) поэтов. Любители «колючей» поэзии встретят здесь своеобразные «моментальные фотографии», выполненные значительно удачнее, чем продукция моментальной съемки.

Но, как говорится, «лучше один раз прочитать, чем сто раз услышать».

Читайте!!!

Дежурный библиограф «Клуба ДС»
А. ГИНАТОВА

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● **ЭТО ТАК ПРОСТО**

Чай грузинский первого сорта № 36 легко превратить в чай высшего сорта «Семейный», если, имея пинцет, лупу и руки целого семейства, выбрать из него все палки и сор. При этом теряется лишь треть веса.

● **ИЗОБРЕТЕНИЕ**

Работник бюро изобретений изобрел изобретение, как избавиться от изобретений некоторых изобретателей.

ТОМСК — В. ШЕМЕТОВ

● **ЭТО ИНТЕРЕСНО**

Долгое время ученые не могли разгадать смысл наскального рисунка, обнаруженного в Эдамских пещерах. Археологическая экспедиция, проводившая раскопки в окрестностях пещер, стоянки древнего человека не обнаружила. Это обстоятельство и привело к разгадке тайны рисунка: смысл его адекватен смыслу современного знака «Стоянка запрещена».

Б. ХРОМЧЕНКО

● **ВНИМАНИЕ — НОВИНКА!**

Новая модель часов разработана на Хлюпинском часовом заводе. Часы снабжены термометром, барометром и гигрометром. Сейчас конструкторы работают над тем, чтобы новые часы показывали еще и время.

Н. МАТВЕЕВ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Костянский переулок, 13. АДРЕС ДЛЯ ТЕЛЕГРАММ: Москва, К-45, Костянский пер., 13; ДЛЯ ПИСЕМ: 103654 ГСП, Москва, К-51, Цветной бульвар, 30; справочный телефон — 200-24-17.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

А — 01315 Номер подписан к печати 2/II-87 г. Газета передана в Целиноград по фототелеграфу. Отпечатана типографией издательства Целиноградского обкома Компартии Казахстана. Зак. 106 ИНДЕКС 50067